«Собраніе Римскихъ и Греческихъ классиковъ въ русскомъ переводѣ съ примѣчаніями» на первыхъ порахъ будетъ заключать въ себѣ произведенія **Саллюстія** (въ 3-хъ вып.), **Овидія** (въ 19 вып.), **Вергилія** (въ 10 вып.), **Ливія** (въ 35 вып.), **Цицерона** (число вып. неопред.), **Горація** (въ 5 вып.), **Ксенофонта** (въ 30 вып.), **Геродота** (въ 9 вып.), **Платона** (число вып. неопред.) и **Софокла** (въ 7 вып.).

Къ 15-му Сентября 1892 года поступили въ продажу слѣдующіе выпуски:

Саллюстій; вып. 1-й: О заговорѣ Катилины; введеніе, переводъ и примѣчанія Вас. Егор. Рудакова, препод. гимназіи Е. М. Гедда. Цѣна **50** коп.

Вергилій; вып. 1-й: Энеида, книга 1-я; переводъ Ад. Либермана, подъ редакціей, съ введеніемъ и примѣчаніями И. М. Иванова, б. преподавателя Императорской Николаевской Царскосельской и С.-Петербургскихъ гимназій. Цѣна **30** коп.

Горацій; вып. 1-й: Оды, 1-я и 2-я книги; введеніе, переводъ и примѣчанія Ад. Либермана. Цѣна **50** коп.

Софоклъ; вып. 1-й: Аянтъ; введеніе, переводъ и примѣчанія Ад. Либермана. Цѣна **50** коп.

» вып. 2-й: Электра; введеніе, переводъ и примѣчанія Ив. Мир. Иванова, б. преподавателя Императорской Николаевской Царскосельской и С.-Петербургскихъ гимназій. Цѣна **50** коп.

» вып. 3-й Эдипъ-Царь; введеніе, переводъ и примѣчанія Ив. Мир. Иванова, б. преподавателя Императорской Николаевской Царскосельской и С.-Петербургскихъ гимназій. Цѣна **50** коп.

Печатаются и выйдутъ въ свѣтъ въ Декабрѣ мѣсяцѣ:

Саллюстій; вып. 2-й: О югуртинской войнѣ; введеніе, переводъ и примѣчанія Вас. Егор. Рудакова, преподавателя гимназіи Е. М. Гедда. Цѣна **50** коп.

Вергилій; вып. 2-й: Энеида, книга 2-я; введеніе, переводъ и примѣчанія Ад. Либермана. Цѣна **30** коп.

» вып. 3-й: Энеида, книги 3-я и 4-я; переводъ Вас. Ал. Алексѣева, съ введеніемъ и примѣчаніями Ад. Либермана. Цѣна **50** коп.

Приготовляются къ печати **Саллюстій** (вып. 3-й: уцѣлѣвшіе отрывки), **Вергилій** (Энеида, книги 5—12), (**Ливій** I—XXI), **Овидій** (метаморфозы, книги I—VI), **Ксенофонтъ** (Анабазисъ), **Геродотъ** (книги I—IX), **Платонъ** (Апологія Сократа, Критонъ, Эвтифронъ и Федонъ), **Софоклъ** (Эдипъ въ Колонѣ, Антигона, Филоктетъ).

Выпуски будутъ выходить безостановочно.

СОБРАНІЕ РИМСКИХЪ И ГРЕЧЕСКИХЪ КЛАССИКОВЪ ВЪ РУССКОМЪ ПЕРЕВОДѢ
СЪ ПРИМѢЧАНІЯМИ:

СОФОКЛЪ.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ:

АЯНТЪ.

Введеніе, переводъ и примѣчанія Ад. Либермана.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНІЕ АД. ЯК. ЛИБЕРМАНА.
1892.

Полное собраніе сочиненій СОФОКЛА будетъ издано въ 7 выпускахъ, по слѣдующему плану:

Выпускъ 1-ый: Аянтъ.
„ 2-ой: Электра.
„ 3-ій: Эдипъ-Царь.
„ 4-ый: Эдипъ въ Колонѣ.
„ 5-ый: Антигона.
„ 6-ой: Филоктетъ.
„ 7-й: Трахинянки.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Задавшись цѣлью издать всѣхъ греческихъ и римскихъ классиковъ въ русскомъ литературномъ переводѣ съ примѣчаніями, мы считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о томъ, кого мы при этомъ имѣемъ въ виду.

Послѣднія измѣненія, сдѣланныя Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія въ программахъ относительно преподаванія древнихъ языковъ въ нашихъ гимназіяхъ, ясно указываютъ на то, какая цѣль преслѣдуется при чтеніи древнихъ классиковъ, преимущественно въ четырехъ старшихъ классахъ гимназіи,—это толковое пониманіе читаемаго автора, правильная и, по возможности, художественная передача его на родной языкъ. Невольно рождается вопросъ, какія годныя и полезныя пособія имѣетъ, или, вѣрнѣе, можетъ имѣть подъ рукою ученикъ, изучающій произведенія Цицерона, Ливія, Платона, Демосѳена и другихъ читаемыхъ въ старшихъ классахъ нашихъ гимназій авторовъ? Сюда относятся во 1-ыхъ изданія комментированныя, во 2-ыхъ хорошіе литературные переводы; что касается первыхъ, то даже самыя лучшія изъ нихъ, будучи весьма полезны при чтеніи Корнелія Непота и Юлія Цезаря, какъ обращающія вниманіе главнымъ образомъ на сторону грамматическую, утрачиваютъ значительную долю своего значенія при чтеніи произведеній болѣе серьезныхъ писателей.

За то есть достаточное количество **вредныхъ** пособій, издаваемыхъ нашими книжными фирмами на югѣ: это такъ называемые подстрочники... Дѣйствительно, трудно вообразить себѣ большее зло съ педагогической точки зрѣнія: **безграмотный** и сплошь да рядомъ **невѣрный** переводъ, **никуда не годныя** примѣчанія—вотъ тѣ пособія, которыя пріобрѣтаютъ ученики нашихъ гимназій и которыми они будутъ пользоваться до тѣхъ поръ, пока наша учебная литература не обогатится хорошими, правильными и литературными переводами, снабженными необходимыми примѣчаніями. Врядъ-ли нужно указывать на разницу между сквернымъ подстрочникомъ и хорошимъ переводомъ, на огромный вредъ, приносимый первымъ и не малую пользу, доставляемую вторымъ. Хорошій, литературный переводъ отнюдь не лишаетъ ученика самостоятельной работы, безусловно требуя отъ него предварительной разработки читаемаго мѣста, способствуетъ ясному пониманію, даетъ возможность всякій разъ возстановить въ памяти предшествующее и ознакомиться съ содержаніемъ послѣдующаго, наконецъ полезенъ при сравнительномъ изученіи стилистикъ обоихъ

языковъ. Такимъ образомъ такой переводъ, давая обильную пищу уму, всесторонне развиваетъ ученика.

Далѣе—интеллигентное общество. Можемъ-ли мы требовать, чтобы оно сочувственно относилось къ существующей въ нашихъ гимназіяхъ классической системѣ образованія, когда отсутствіе переводовъ дѣлаетъ произведеніе древней литературы для него совершенно недоступными. При этомъ мы обратили особенное вниманіе на примѣчанія, въ которыхъ объясняется всякое собственное имя, всякое мало-мальски темное мѣсто; такимъ образомъ при чтеніи произведенія не встрѣтитъ затрудненія даже человѣкъ, совершенно незнакомый съ классическимъ міромъ. Въ государствахъ запада существуетъ масса переводовъ и въ результатѣ — съ одной стороны — любовь къ древнимъ авторамъ учащихся, съ другой — полное сочувствіе общества къ классической системѣ.

Остается сказать еще нѣсколько словъ по поводу того, что мы даемъ *прозаическій* переводъ *поэта*: намъ приходилось не разъ слышать мнѣніе, что такой переводъ не имѣетъ въ литературѣ никакого значенія. Дѣйствительно **точный** и **вѣрный** поэтическій переводъ (а не вольная передача) не можетъ быть сравниваемъ съ переводомъ прозой; но намъ кажется, что для появленія перваго необходимо существованіе вторыхъ. Насъ не пугаютъ ни серьезность предпринятаго труда, ни громадность взятой на себя задачи; представляя свой трудъ на сужденіе общества и специалистовъ мы съ величайшей благодарностью примемъ къ свѣдѣнію при слѣдующихъ изданіяхъ всѣ замѣчанія и указанія, которыми насъ почтитъ строгая, но справедливая критика; малѣйшее же ея сочувствіе сторицей вознаградитъ насъ за всѣ хлопоты и издержки.

А. Л.

ВВЕДЕНІЕ.

Мы имѣемъ очень мало свѣдѣній о жизни Софокла, и даже тѣ скудныя данныя, которыя до насъ дошли, далеко не всѣ достовѣрны. Родиной знаменитаго трагика было мѣстечко Κολωνὸς Ἵππιος—небольшая, но живописная деревня въ разстояніи 10 стадій къ сѣверу отъ Аѳинъ, которую поэтъ такъ подробно описалъ въ хоральной пѣснѣ, въ трагедіи «Эдипъ въ Колонѣ».

Родился Софоклъ въ 496 г. до Р. Х.; родители его, люди съ большими средствами, не поскупились дать сыну лучшее по тѣмъ временамъ образованіе и обучали его грамматикѣ, музыкѣ и гимнастикѣ у наиболѣе извѣстныхъ въ то время преподавателей: такъ учителемъ музыки у Софокла былъ Лампръ, знаменитый знатокъ своего дѣла. Софоклъ рано вступилъ на поприще общественной жизни; не достигши полныхъ 16 лѣтъ, онъ былъ избранъ, благодаря своей красотѣ и граціи, предводителемъ хора пѣвцовъ, исполнявшихъ побѣдный гимнъ на праздникѣ въ честь побѣды, одержанной въ 480 г. надъ персами при Саламинѣ; на 27 году отъ роду онъ выступилъ впервые въ драматическомъ состязаніи соперникомъ Эсхила во время великаго празднества въ честь Вакха, когда раздавались награды за лучшее драматическое произведеніе, со своей, недошедшей до насъ, трагедіей «Триптолемъ» — и судьи единодушно присудили ему первый призъ. Съ тѣхъ поръ Софоклъ продолжалъ втеченіи всей своей жизни писать трагедіи, число которыхъ, по преданію, достигло 113; иногда ему доставался первый призъ, иногда же надъ нимъ въ свою очередь одерживалъ верхъ какой нибудь болѣе молодой кандидатъ на славу, но ни разу не пришлось ему спуститься до третьяго мѣста. До насъ дошло всего семь трагедій Софокла: Аянтъ, Электра, Эдипъ-царь, Эдипъ въ Колонѣ, Антигона, Филоктетъ и Трахинянки.

Софоклъ пользовался въ Аѳинахъ необыкновенной популярностью; даже царь сатириковъ Аристофанъ, и тотъ не могъ отыскать больнаго мѣста въ его нравственной бронѣ, куда бы пустить одну изъ своихъ ядовитыхъ стрѣлъ. Онъ осыпаетъ насмѣшками Эсхила за высокопарность и глумится надъ Еврипидомъ за его софизмы, но оставляетъ въ покоѣ «добраго, покладистаго человѣка, который теперь спитъ подъ землею также мирно, какъ мирно прожилъ на землѣ». (Лягушки, 82).

Умеръ Софоклъ въ глубокой старости, всѣми безъ исключенія любимый и уважаемый, въ 406 г. до Р. Х.; онъ былъ погребенъ по преданію въ фамильной гробницѣ, находившейся на дорогѣ въ Декелію.

Древне-греческая драма состояла изъ двухъ частей: *діалогической*, которую исполняли актеры и въ которой иногда принималъ участіе и хоръ въ лицѣ своего корифея, и *хоровой*, состоявшей изъ пѣсенъ исполняемыхъ членами хора; хоръ, состоявшій изъ 12—15 человѣкъ раздѣлялся на двѣ половины, которыя то пѣли по очереди, то — совмѣстно. Такимъ образомъ трагедія дѣлилась на нѣсколько отдѣленій, которыя можно сравнить съ нашими дѣйствіями и явленіями.

1) діалогическая часть трагедіи до появленія хора называлась πρόλογος.
2) вступительная пѣснь хора носила названіе πάροδος.
3) затѣмъ слѣдовалъ рядъ діалогическихъ частей (2—4) назыв. ἐπεισόδια, раздѣляемыхъ:
4) пѣснями хора, которыя назывались στάσιμα.
5) діалогическая часть трагедіи, послѣ послѣдней пѣсни хора, называлась ἔξοδος.

I.

АЯНТЪ.

I. **«Введеніе къ Аянту»**. Среди героическихъ семействъ особенную извѣстность пріобрѣли потомки Эака. Эакъ былъ сыномъ Зевса и Эгины, дочери бога рѣки Азона. Мирно царствовалъ Эакъ на островѣ Энопіи, названномъ по имени его матери впослѣдствіи Эгиной; его любили и ему покровительствовали всѣ боги, кромѣ одной лишь Геры, которая не могла забыть, что Эакъ сынъ ея мужа отъ соперницы. Богинѣ былъ ненавистенъ самый островъ и народъ его населявшій, и она поразила его страшнымъ бѣдствіемъ — моровой язвой, отъ которой погибли всѣ жители. Но Зевсъ услышалъ мольбы сына и создалъ изъ муравьевъ новый народъ, который получилъ названіе Мирмидонянъ (μύρμηξ — муравей)—и справедливо; вновь созданные люди остались вѣрны своей прежней природѣ: по прежнему были они дѣятельны, настойчивы въ трудѣ, довольны малымъ и бережливы.

Женился Эакъ на Эндеидѣ, дочери Кентавра Хирона, и родились у него два сына: Пелей и Теламонъ. Пелей основалъ свое владычество во Фтіи и женился на нереидѣ Ѳетидѣ, отъ которой имѣлъ сына Ахилла, величайшаго героя троянской войны; Теламонъ же былъ избранъ царемъ на островѣ Саламинѣ и взялъ въ жены Эрибою, подарившую его сыномъ Аянтомъ, который по силѣ и храбрости считался первымъ воиномъ послѣ своего двоюроднаго брата; но при этомъ онъ отличался излишней самоувѣренностью и высокомѣріемъ, чѣмъ возбудилъ противъ себя гнѣвъ боговъ, особенно Аѳины: такъ отцу своему, совѣтовавшему ему передъ отправленіемъ въ походъ «всегда при помощи боговъ искать побѣду», онъ отвѣтилъ что «съ небесной помощью и трусъ можетъ одержать побѣду, онъ же разсчитываетъ на побѣду и безъ боговъ»; въ другой разъ онъ самонадѣянно отвергъ благосклонную помощь Аѳины, предложившей ему свои услуги въ разгарѣ сраженія, и отвѣтилъ ей слѣдующее: «помогай другимъ, богиня; наше же войско никогда не прорвутъ враги». Кромѣ Аянта у Теламона былъ еще сынъ Тевкръ отъ Гезіоны, дочери троянскаго царя Лаомедонта, которую онъ получилъ въ даръ отъ Геракла (см. прим. 14). Отецъ отправилъ его на войну вмѣстѣ съ Аянтомъ, поручивъ ему смотрѣть за братомъ, помогать ему и ни въ какомъ случаѣ безъ него домой не возвращаться.

Когда Ахиллъ былъ убитъ, орудіе его, выкованное самимъ Гефестомъ, греки рѣшили передать храбрѣйшему изъ свой среды; притязанія на него изъявили двое: Аянтъ, сынъ Теламона, и Одиссей. Угрюмый, высокомѣренный нравъ Аянта отчудилъ отъ него всѣхъ товарищей по орудію, и, поэтому, не смотря на всѣ его отличія на полѣ брани, предводители грековъ, Агамемнонъ

и Менелай, избранные судьями, присудили оружіе Одиссею. Аянтъ удалился изъ совѣта сильно озлобленный и горько негодовалъ на несправедливое, по его мнѣнію, рѣшеніе судей; ночью же онъ вышелъ изъ своей палатки съ мечемъ въ рукѣ, намѣреваясь умертвить какъ своего счастливаго соперника, такъ и судей, присудившихъ ему оружіе,—но богиня Аѳина омрачила его зрѣніе и обратила его гнѣвъ на добычу грековъ, на стада, охраняемыя, въ ожиданіи раздѣла, пастухами: въ своемъ неистовствѣ Аянтъ принялъ ихъ за враговъ, набросился и перерѣзалъ ихъ вмѣстѣ съ пастухами. Окончивъ свое ужасное дѣло, онъ связалъ тѣхъ быковъ, которые еще оставались въ живыхъ, и увелъ всѣ стада въ свою палатку, гдѣ продолжалъ истязать ихъ, будто это были люди, а не рогатый скотъ.

Съ событій слѣдующаго утра начинается трагедія Софокла.

II. Содержаніе Аянта. Одиссей бродитъ около шатра Аянта, желая узнать, онъ-ли виновникъ рѣзни стада; ему является богиня Аѳина, которая разсказываетъ обо всемъ, что произошло минувшей ночью. Она вызываетъ Аянта, который, все еще одержимый сумашествіемъ, появляется по второму ея зову на сценѣ и хвалится убійствомъ своихъ враговъ; герой горячо благодаритъ богиню за оказанное ею яко-бы содѣйствіе. Вслѣдъ затѣмъ выходитъ хоръ саламинскихъ матросовъ, спутниковъ Аянта, которымъ разсказываетъ про поступокъ ихъ предводителя Текмесса, его плѣнница и любовница; моряки выражаютъ ей свое соболѣзнованіе. Между тѣмъ Аянтъ пришелъ въ себя: онъ появляется на сцѣнѣ унылый и убитый горемъ; въ словахъ его проглядываетъ намѣреніе покончить съ собой. Текмесса умоляетъ его успокоиться и бросить свое отчаяніе; онъ обѣщаетъ. Тѣмъ не менѣе жизнь сдѣлалась для него невыносимой: ему стыдно своего поступка, совершеннаго въ припадкѣ бѣшенства. Подъ предлогомъ уменьшить гнѣвъ Аѳины онъ удаляется на берегъ моря и прокалываетъ себя мечемъ. Тогда поднимается споръ между Тевкромъ, единокровнымъ братомъ Аянта, и сыновьями Атрея; Менелай не желаетъ, чтобы умершему были возданы похоронныя почести и его поддерживаетъ Агамемнонъ. Является Одиссей и совѣтуетъ сыновьямъ Атрея не злоупотреблять своей властью, не кощунствовать надъ умершимъ врагомъ, ибо этимъ они оскверняютъ законы боговъ; онъ даже самъ предлагаетъ свои услуги, но Тевкръ отклоняетъ ихъ изъ боязни, какъ бы это не было непріятно тѣни умершаго. Трагедія оканчивается похоронной процессіей.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Аѳина-Паллада—дочь Зевса, родилась изъ его головы; по миѳу Гефестъ по приказанію Зевса, чувствовавшаго головную боль, разсѣкъ ему голову сѣкирой, и изъ нея явилась Аѳина въ полномъ вооруженіи и въ избыткѣ юныхъ силъ; поэтому она считалась олицетвореніемъ благоразумія Зевса. Она защитница городовъ, изобрѣтательница многихъ полезныхъ предметовъ, покровительница всѣхъ искусствъ и наукъ, богиня благоразумной, устроенной по всѣмъ правиламъ военнаго искусства битвы. Сторонница и помощница Грековъ во время троянской войны, она особенно благоволитъ къ нѣкоторымъ героямъ, которымъ часто помогаетъ въ трудныя минуты и словомъ и дѣломъ; однимъ изъ такихъ ея любимцевъ былъ Одиссей.

Одиссей—сынъ Лаэрта, царь Итаки, одинъ изъ выдающихся героевъ троянской войны, прославившійся не только храбростью, но и благоразуміемъ и хитростью.

Аянтъ—сынъ Теламона, царя Саламинскаго; см. введеніе къ трагедіи.

Текмесса—дочь фригійца Телевта, плѣнница и любовница Аянта.

Тевкръ—единокровный братъ Аянта; см. введеніе къ трагедіи и прим. 14.

Менелай—сынъ Атрея, братъ Агемемнона, царь Спартанскій, мужъ Елены, которую увезъ Паридъ и изъ-за которой возникла троянская война.

Агамемнонъ—царь Аргоса, главный предводитель Грековъ въ троянскую войну.

Вѣстникъ.

Хоръ саламинскихъ моряковъ, прибывшихъ вмѣстѣ съ Аянтомъ.

Нѣмыя лица [по нашему статисты]: **Эврисакъ,** малолѣтній сынъ Аянта отъ Текмессы, **воспитатель** его и **глашатай войска.**

Сцена представляетъ историческую равнину Трои; вдали сверкаетъ море и вдоль берега виденъ рядъ кораблей. Прямо посреди находится палатка, около которой бродитъ Одиссей, выслѣживающій на пескѣ слѣды чьихъ-то шаговъ. Внезапно сверху вспыхиваетъ яркій свѣтъ и появляется величественная фигура Аѳины.

Πρόλογος: преддѣйствіе.

Аѳина. Я постоянно вижу, сынъ Лаэрта, какъ ты ищешь удобный случай нанести неожиданный ударъ кому-либо изъ своихъ враговъ; вотъ и теперь ты здѣсь у морскаго шатра Аянта, гдѣ послѣднее его мѣстопребываніе, съ давняго времени ищешь и изслѣдуешь свѣже-напечатлѣнные слѣды, чтобы узнать, дома-ли онъ или нѣтъ. И твои шаги, подобно обладающей хорошимъ чутьемъ лакедемонской собакѣ, приводятъ тебя къ цѣли. Онъ дома; съ головы его капаетъ потъ, а съ убивающихъ мечемъ рукъ—кровь. Не стоитъ тебѣ смотрѣть внутрь черезъ входъ; а разскажи-ка мнѣ, съ какой цѣлью ты старался, чтобы узнать за это отъ меня то, что я знаю.

Одиссей. Аѳина, наиболѣе чтимая мною изъ богинь! Сколь легко узнаю я твой голосъ, звучащій подобно Тирренской[1]) трубѣ съ мѣднымъ отверстіемъ, даже когда ты невидима. И на этотъ разъ ты вѣрно угадала, что я слѣжу за врагомъ своимъ щитоносцемъ Аянтомъ; именно его, а никого другаго ищу я съ давняго времени. Онъ совершилъ нынѣшней ночью непредвидѣнное дѣло, если только онъ совершилъ его: мы не знаемъ еще ничего опредѣленнаго и блуждаемъ въ темнотѣ, и я добровольно взялъ на себя этотъ трудъ. Только что мы нашли всю добычу, состоящую изъ скота, уничтоженной и убитой вмѣстѣ съ пастухами. Всѣ приписываютъ вину эту ему: какой-то лазутчикъ разсказываетъ—онъ говорилъ и мнѣ,—что видѣлъ его одного быстро шагающимъ по равнинѣ съ мечемъ обагреннымъ свѣжею кровью. Я тотчасъ же устремился по его слѣдамъ, и по однимъ изъ нихъ догадываюсь, другіе же приводятъ меня въ изумленіе и мнѣ не отъ кого узнать. Ты во время явилась; вѣдь ты и была, и будешь во всемъ моей руководительницей.

---

[1]) Вмѣсто Этрусской; Этруски считались изобрѣтателями духовной трубы, которую они первые стали примѣнять для военныхъ цѣлей.

Аѳина. *Я знаю это, Одиссей! И я,* находясь на стражѣ твоихъ интересовъ, давно уже отправилась въ путь, будучи благосклонной къ твоимъ изслѣдованіямъ.

Одиссей. Нахожусь-ли я на вѣрной дорогѣ, дорогая владычица?

Аѳина. Да, конечно. Это его дѣяніе.

Одиссей. Съ какимъ безразсуднымъ намѣреніемъ совершилъ онъ это?

Аѳина. Удрученный гнѣвомъ, что его лишили оружія Ахилла.

Одиссей. Но къ чему же направилъ онъ шаги на эти стада?

Аѳина. Онъ полагалъ, что оскверняетъ руку вашимъ убійствомъ.

Одиссей. Но неужели онъ злоумышлялъ такъ противъ Грековъ?

Аѳина. И онъ привелъ бы свой умыселъ въ исполненіе, еслибы я была совершенно небрежна.

Одиссей. Кто вселилъ ему столько отваги и смѣлости?

Аѳина. Одинъ ночью онъ, коварный, отправился противъ васъ.

Одиссей. И что же, дошелъ онъ до насъ? достигъ онъ своей цѣли?

Аѳина. Да онъ дошелъ уже до дверей обоихъ вождей.

Одиссей. Какъ же ты удержала его, жаждавшаго убійства?

Аѳина. Я помѣшала его ужасному торжеству, омрачивъ его зрѣніе безумными видѣніями, и направила его на стада, на смѣшанные, еще не раздѣленные предметы добычи, охраняемые пастухами; напавъ на нихъ, онъ сталъ рубить направо и налѣво, убивая обильный рогами скотъ, и казалось ему, то что онъ держитъ и собственноручно закалываетъ обоихъ сыновей Атрея, то что онъ бросается на того или другаго изъ вождей. Я же возбуждала мужа, бѣснующагося отъ бѣшенства, и вовлекала его въ свои сѣти. А затѣмъ, когда онъ отдохнулъ отъ этого труда, онъ, связавъ ремнями оставшихся въ живыхъ быковъ, отнесъ весь скотъ домой, какъ будто это были мужи, а не стадо съ прекрасными рогами. И до сихъ поръ еще онъ держитъ ихъ у себя связанными и истязуетъ. Я покажу тебѣ эту очевидную болѣзнь, чтобы ты, увидавъ ее, разсказалъ всѣмъ Грекамъ. Оставайся на мѣстѣ, будь смѣлъ и не встрѣть его, какъ врага. Я обращу глаза его въ противоположную сторону, чтобы онъ тебя не видѣлъ. (Кричитъ:) Эй, ты, который связалъ назадъ ремнями руки плѣнныхъ, я приказываю тебѣ явиться; я вызываю тебя, Аянтъ! Выйди изъ своего шатра.

Одиссей. Аѳина! что ты дѣлаешь? Не вызывай его.

Аѳина. Храни молчаніе и не обнаруживай своей трусости.

Одиссей. Нѣтъ, ради боговъ; пусть будетъ съ меня довольно, если онъ останется дома.

Аѳина. Чтобы что не случилось? развѣ онъ раньше не былъ человѣкомъ?

Одиссей. Онъ и теперь еще мой врагъ.

Аѳина. Неужели не самое пріятное—смѣяться надъ врагами?

Одиссей. Съ меня по крайней мѣрѣ достаточно, если онъ останется дома.

Аѳина. Ты боишься видѣть человѣка, который явно сумасшедшій.

Одиссей. Если-бы онъ былъ въ здравомъ умѣ, я не удалился бы отъ страха.

Аѳина. Но вѣдь онъ тебя не увидитъ, хотя ты и вблизи.

Одиссей. Какъ такъ? развѣ онъ смотритъ не тѣми же глазами?

Аѳина. Я помрачу его глаза, хотя они и зорки.

Одиссей. По истинѣ все можетъ случиться, если божество замыслитъ.

Аѳина. Храни теперь молчаніе и продолжай стоять на своемъ мѣстѣ.

Одиссей. Буду стоять; а все-таки хотѣлось бы быть подальше.

Аѳина. Эй, ты, Аянтъ! Я вторично вызываю тебя. Отчего ты такъ мало обращаешь вниманія на свою помощницу?

Аянтъ (выходитъ). Здравствуй, Аѳина; здравствуй дитя Зевса![2] Какъ кстати ты явилась. Какъ разъ я украшу тебя золотою добычей ради своей недавней побѣды.

Аѳина. Ты хорошо сказалъ. А повѣдай-ка мнѣ, хорошо-ли ты обагрилъ свой мечъ кровью греческаго войска?

Аянтъ. Да, мнѣ можно похвастать этимъ и я не отрицаю этого подвига.

Аѳина. Неужели ты поднялъ руку и на сыновей Атрея?

Аянтъ. Да, чтобы они никогда не унижали Аянта!

Аѳина. Они погибли, значитъ, если я вѣрно тебя понимаю.

---

[2]) Зевсъ, сынъ Кроноса и Реи, могущественнѣйшій и величайшій изъ боговъ греческаго народа, отецъ боговъ и людей; избѣжавъ грозившей ему опасности—быть пожраннымъ отцомъ—и выросши, онъ освободилъ изъ желудка Кроноса другихъ братьевъ и сестеръ и вмѣстѣ съ ними лишилъ Кроноса власти надъ міромъ, которую раздѣлилъ между собою и братьями Поссейдономъ (владыка моря) и Плутономъ (владыка подземнаго міра); себѣ же онъ взялъ небо и женился на своей сестрѣ Герѣ.

Аянтъ. Пусть-ка теперь мертвыми они лишатъ меня оружія.

Аѳина. Пусть будетъ такъ. Ну, а что сынъ Лаэрта; какая его постигла участь? Или онъ убѣжалъ отъ тебя?

Аянтъ. Ты спрашиваешь меня про хитрую лису, гдѣ она?

Аѳина. Да я говорю объ Одиссеѣ, твоемъ врагѣ.

Аянтъ. Онъ у меня, владычица, сидитъ внутри шатра самымъ пріятнымъ плѣнникомъ. Я еще не хочу его смерти.

Аѳина. Что ты еще хочешь дѣлать? На что ты еще надѣешься?

Аянтъ. Привязанный къ домашнему столбу...

Аѳина. Какое еще бѣдствіе хочешь ты причинить несчастному?

Аянтъ. Онъ умретъ съ окровавленной бичемъ спиной.

Аѳина. Не мучь такъ несчастнаго.

Аянтъ. Я готовъ, Аѳина, во всемъ прочемъ исполнить твое желаніе; но этотъ получитъ именно такое, а не другое возмездіе.

Аѳина. Ну если ужъ для тебя такое наслажденіе это сдѣлать, пользуйся своей силой и не откажись ни отъ чего, что задумалъ.

Аянтъ. Такъ я отправляюсь; прошу только тебя всегда быть мнѣ такой же союзницей. (Уходитъ).

Аѳина. Видишь-ли ты, Одиссей, сколь велика сила боговъ. Былъ-ли человѣкъ мудрѣе Аянта въ совѣтахъ-ли, или въ поступкахъ?

Одиссей. Я никого не знаю. И я сожалѣю его, хотя онъ и былъ моимъ врагомъ, онъ, который теперь вполнѣ несчастенъ, такъ какъ одержимъ помраченіемъ ума. При этомъ я думаю и о своей судьбѣ. Мы несчастные всѣ живущіе, по моему, представляемъ только призраковъ и легкую тѣнь.

Аѳина. Да научитъ тебя это зрѣлище никогда не оскорблять боговъ богохульными словами, а также не быть высокомѣрнымъ, если ты сильнѣе кого или богаче. Достаточно одного дня чтобы разрушить и снова взвести все человѣческое. Боги любятъ благоразумныхъ и ненавидятъ злыхъ (Аѳина возносится къ верху, а Одиссей уходитъ; появляется хоръ, состоящій изъ Саламинскихъ моряковъ).

πάροδος: вступительная пѣснь хора.

Хоръ. Сынъ Теламона, властитель Саламинской земли, находящейся близъ моря и омываемой имъ, я счастливъ, когда ты находишься въ хорошемъ положеніи; но когда тебя постигаетъ ударъ Зевса или несправедливыя гнѣвныя рѣчи Грековъ, мною овладѣваетъ страхъ и я трепещу, какъ робкій

голубь. И теперь на меня напало сильное безпокойство вслѣдствіе дурной молвы, будто ты прошлой ночью отправился на лугъ, обильный пасущимися конями, перерѣзалъ стада Грековъ и скотъ, оставшійся отъ добычи, убивъ ихъ сверкающимъ мечемъ. Клевету эту выдумалъ и распускаетъ по всему лагерю Одиссей и старается въ ней убѣдить. Онъ выдаетъ свои разсказы за достовѣрные и всякій слушающій радуется больше самого говорящаго, издѣваясь надъ твоимъ горемъ. Вѣдь клевещущій на знатныхъ достигаетъ своей цѣли; вотъ если-бы онъ говорилъ про меня, ему бы никто не повѣрилъ, ибо зависть подползаетъ лишь къ могучимъ. Слабые безъ сильныхъ составляютъ для башни ненадежную защиту, а съ помощью сильныхъ поддерживается и слабый, точно такъ же, какъ сильный съ помощью слабыхъ; но нельзя научить такъ мыслить людей безумныхъ. Таковы враги нападающіе на тебя, и безъ твоей помощи, владыка, мы никакъ не можемъ отразить ихъ нападеній; когда они находятся далеко отъ тебя, они шумятъ какъ стадо птицъ, когда же ты появляешься, они вдругъ становятся безмолвными, боясь тебя какъ бы большаго коршуна.

στροφή: пѣснь одной половины хора.

Неужели это дочь Зевса Артемида [3]), ѣдущая на волахъ, направила тебя на общественныхъ, принадлежащихъ къ стаду, быковъ — о роковой слухъ, о причина моего позора — вслѣдствіе-ли неполученія жертвы за какую нибудь побѣду, или оттого, что ее обманули славной добычей, или не получивъ дара за охоту? Или это мѣдно-панцырный Еніалій [4]), разсердившись на тебя изъ-за общаго копья, отомстилъ за оскорбленіе ночною хитростью?

ἀντιστροφή: пѣснь другой половины хора.

Никогда ты, сынъ Теламона, сознательно не накинулся бы на стада и не сошелъ-бы такъ съ ума; это, безъ сомнѣнія, болѣзнь посланная богами. Да удержатъ Зевсъ и Фебъ [5]) злую молву, распространяемую Греками. Если же это великіе цари [6]), тайно распространяя слухи, клевещутъ на тебя, или рас-

---

[3]) Артемида, дочь Зевса и Латоны, сестра Аполлона, богиня охоты; въ позднѣйшее время ее стали считать также богиней луны. Среди изображеній ея найдены и такія, гдѣ она представляется ѣдущею на волахъ.

[4]) Прозвище Арея, бога войны, сына Зевса и Геры.

[5]) Фебъ (Аполлонъ), сынъ Зевса и Латоны, братъ Діаны; родился онъ вмѣстѣ съ сестрою на островѣ Делосѣ, у подошвы горы Кинеа (отсюда прозвище его Деліецъ, Кинеокій). Онъ объявляетъ людямъ волю Зевса и въ качествѣ такого вѣстника является богомъ предсказаній; знаменитѣйшее изъ мѣстъ, гдѣ онъ даетъ предсказанія — Дельфы въ Фокидѣ.

[6]) Агамемнонъ и Менелай, сыновья Атрея, предводители грековъ въ троянскую

путный потомокъ царя Сизифа [7]), то не оставайся, заклинаю тебя, въ своемъ приморскомъ шатрѣ, относясь равнодушно къ слухамъ.

ἐπῳδός пѣснь всего хора.

Но выйди изъ своего убѣжища, гдѣ ты сидишь въ такомъ долгомъ бездѣйствіи исполненномъ борьбы, оплакивая посланное небомъ несчастіе. Вѣдь между тѣмъ дерзость твоихъ враговъ, не зная удержу, распространяется по спокойнымъ долинамъ: всѣ съ громкимъ смѣхомъ издѣваются надъ тобой, пополняя мое сердце сильнымъ горемъ.

ἐπεισόδιον α' 1-ая діалогическая часть.

Текмесса (входитъ). Морскіе помощники Аянта, происходящіе по рожденію отъ туземныхъ потомковъ Эрехѳея [8])! Всѣ мы, которые заботимся о далеко находящемся семействѣ Теламона, всѣ мы должны горевать: великій, грозный и могучій Аянтъ лежитъ больной и сошелъ съ ума!

Хоръ. Какое горе принесла эта ночь вмѣсто спокойствія; говори дочь фригійца Телевта [9]): ты хорошо вѣдь знаешь это дѣло и можешь намъ разсказать, такъ какъ неистовый Аянтъ, взявъ тебя въ плѣнъ и полюбивъ, раздѣлилъ съ тобою брачное ложе.

Текмесса. Къ чему говорить мнѣ объ этомъ ужасномъ дѣлѣ? Ты узнаешь о болѣзни равносильной смерти. Этой ночью нашъ знаменитый Аянтъ сошелъ съ ума и совершилъ свой позорный поступокъ. Ты можешь видѣть въ его шатрѣ животныхъ, убитыхъ его рукою и плавающихъ въ крови: это жертвы его побѣды.

στροφή: пѣснь одной половины хора.

Хоръ. Какую возвѣстила ты новость намъ про смѣлаго мужа; она и непереносима и неизбѣжна. Про нее твердятъ теперь великіе Греки и она увеличивается отъ длинныхъ разговоровъ. Увы! Увы! Я боюсь приближающейся бѣды. Погибнетъ внѣ всякаго сомнѣнія мужъ, который въ припадкѣ сумасшествія зарѣзалъ гибельнымъ мечемъ скотъ и пасущихъ лошадей пастуховъ.

Текмесса. Увы! Увы! Это оттуда именно вернулся онъ съ пе-

---

7) Такъ названъ Одиссей на основаніи одного послѣ-гомеровскаго сказанія, по которому онъ сынъ не Лаэрта а Сизифа, такъ какъ мать его Антиклея вышла замужъ за Лаэрта, будучи раньше беременна отъ Сизифа.

8) Эрехѳей царь аѳинскій миѳическаго періода; позднѣйшіе жители Аттики считали его своимъ предкомъ. Поэтъ приписываетъ здѣсь и саламинцамъ это происхожденіе, которымъ такъ гордились аѳиняне.

9) Текмесса, плѣнница и любовница Аянта, была дочерью фригійскаго царя Телевта, который у другихъ писателей называется Тевѳромъ.

ревязаннымъ стадомъ; однихъ онъ зарѣзалъ внутри на землѣ, другихъ же, ударяя въ ребра, разсѣкъ на двѣ части. Затѣмъ онъ взялъ двухъ быстроногихъ барановъ: одного, отрубивъ ему голову и кончикъ языка, бросилъ, а другого привязалъ къ верхушкѣ столба; и вотъ взявъ длинный, служащій для привязыванія лошадей, ремень, онъ сталъ бить его издающимъ звукъ двойнымъ бичемъ, понося при этомъ худыми словами, которыхъ не внушалъ ему ни богъ, ни человѣкъ.

ἀντιστροφή: пѣснь другой половины хора.

Хоръ. Теперь время намъ тайно убѣжать закутавшись вуалью или, сѣвши на скамью быстраго мореходнаго корабля, положиться на весла. Оба царя сыновья Атрея угрожаютъ намъ; я боюсь подвергнуться смерти черезъ побитіе камнями вмѣстѣ съ тѣмъ, кого мучаетъ страшная судьба!

Текмесса. Она не мучаетъ его болѣе. Его бѣшенство прекратилось, какъ проходитъ сильный порывъ южнаго вѣтра, поднявшагося безъ блестящей молніи; онъ пришелъ въ себя и теперь новое горе тревожитъ его: вѣдь взирать на бѣдствія, виновникъ которыхъ самъ, а никто другой, возбуждаетъ сильную грусть.

Хоръ. Если только онъ успокоился, я весьма счастливъ: вѣдь меньше заботы возбуждаетъ бѣдствіе, которое прошло.

Текмесса. Чтобы ты предпочелъ, если-бы тебѣ предоставили выборъ: огорчивъ друзей самому-ли наслаждаться спокойствіемъ, или вмѣстѣ съ ними сообща переносить горе?

Хоръ. Двойное страданіе, женщина, разумѣется сильнѣе.

Текмесса. Я, по крайней мѣрѣ, хоть и не страдаю теперь, а несчастна.

Хоръ. Что ты хочешь сказать? Я не вполнѣ понимаю.

Текмесса. Пока Аянтъ былъ боленъ, онъ радовался своему недугу, я же, здоровая, страдала при его видѣ. Теперь же, когда болѣзнь его прекратилась и онъ вздохнулъ отъ нея, онъ очень горюетъ и мои страданія нисколько не уменьшились противъ прежняго. Развѣ это не двойное страданіе, возникшее изъ за одного.

Хоръ. Я вполнѣ согласенъ съ тобою и боюсь, какъ бы это не было несчастіе, ниспосланное божествомъ: вѣдь возвращеніе разсудка для него не лучше сумасшествія!

Текмесса. Увы! къ сожалѣнію это такъ!

Хоръ. Какъ начался его недугъ? Разскажи подробно мнѣ, страдающему вмѣстѣ съ нимъ.

Текмесса. Ты узнаешь отъ меня все въ подробности, такъ какъ принимаешь участіе въ его горѣ. Поздно ночью, когда вечерніе огни уже были потушены, онъ, взявъ обоюдноострый мечъ,

ощупью сталъ искать выхода. Я же браню его и спрашиваю: что
ты дѣлаешь, Аянтъ? На какое предпріятіе спѣшишь ты, не бу-
дучи ни призванъ, ни приглашенъ вѣстниками и не слыша звука
291. трубы? Вѣдь все войско спитъ. Онъ же отвѣтилъ мнѣ немногія,
но постоянно повторяемыя слова: „женщина! молчаніе украшаетъ
женщинъ". Я, услышавъ это, замолчала, и онъ быстро вышелъ
295. одинъ. Что было тамъ я не знаю; вернулся же онъ волоча за
собою связанныхъ вмѣстѣ быковъ, собакъ ихъ сторожившихъ, и
прочій скотъ съ прекрасными рогами. И вотъ однимъ онъ пере-
рѣзалъ горло, другихъ перевернулъ и, заколовши, разсѣкъ имъ
300. спину, прочихъ связанныхъ сталъ мучить, бросаясь на скотъ, будто
имѣлъ дѣло съ мужами. Затѣмъ, выбѣжавъ изъ палатки, онъ
сталъ важно говорить съ какой-то тѣнью про сыновей Атрея и
Одиссея и при этомъ очень смѣялся надъ тѣмъ, какъ онъ на-
305. казалъ ихъ за ихъ оскорбленія своимъ нападеніемъ; потомъ вер-
нувшись въ палатку, онъ черезъ нѣкоторый, довольно долгій, про-
межутокъ времени пришелъ въ сознаніе. И когда онъ увидѣлъ
свой шатеръ наполненнымъ трупами, то ударяя себя въ голову,
закричалъ и, повалившись, сѣлъ на безжизненные трупы убитыхъ
310. ягнятъ, вцѣпившись ногтями въ волоса, и тутъ безмолвный си-
дѣлъ онъ долгое время. Затѣмъ пригрозивъ мнѣ ужасными сло-
вами, если я не открою ему цѣликомъ всего случившагося, спро-
315. силъ меня, въ какомъ положеніи находился онъ. Я, конечно,
друзья, испугавшись, разсказала ему все происшедшее, какъ умѣла.
Онъ же тотчасъ разразился ужасными рыданіями, какихъ я прежде
отъ него не слыхала, такъ какъ самъ онъ постоянно говорилъ, что
подобнымъ образомъ ревѣть свойственно лишь человѣку трусливому
321. и малодушному; вмѣсто сильнаго воя онъ обыкновенно тихо сто-
налъ, подобно тому какъ мычитъ быкъ. Въ настоящее время онъ,
пораженный постигшимъ его несчастіемъ, безъ пищи, безъ питья,
326. спокойно сидитъ среди убитыхъ мечемъ стадъ и, очевидно, за-
мышляетъ что-то недоброе, что проглядываетъ изъ его словъ и
стоновъ. Поэтому, друзья, придите къ нему на помощь — вѣдь
для этого я и пришла сюда—если только вы въ состояніи. Вѣдь
330. на людей подобныхъ ему дѣйствуютъ слова друзей.

Хоръ. Текмесса, дочь Телевта, ты говоришь намъ ужасныя вещи—что его бѣдствія затмили его разумъ.

Голосъ Аянта. Увы! Горе мнѣ!

Текмесса. Припадокъ его неистовства, повидимому, скоро уси-
335. лится; развѣ ты не слышишь, какъ кричитъ Аянтъ?

Голосъ Аянта. Увы! Горе мнѣ!

Хоръ. Герой, кажется, либо все еще подверженъ болѣзни, либо страдаетъ отъ воспоминанія о своемъ прежнемъ недугѣ.

Голосъ Аянта. Увы! Сынъ мой, сынъ!

Текмесса. Горе мнѣ несчастной! Эврисакъ; это онъ тебя зоветъ. Что только онъ замышляетъ! Гдѣ ты? Ахъ я несчастная!

Голосъ Аянта. Я зову Тевкра. Гдѣ онъ? Неужели онъ постоянно занятъ лишь тѣмъ, что угоняетъ добычу. Вѣдь я гибну!

Хоръ. Онъ, повидимому, въ здравомъ умѣ. Откройте-ка его палатку. Быть можетъ онъ постыдится, увидѣвъ меня.

Текмесса. Изволь, я открываю ее; ты можешь видѣть, что онъ тамъ дѣлаетъ и въ какомъ находится положеніи.

στροφὴ α′: 1-я пѣснь одной половины хора.

Аянтъ (выходитъ изъ палатки). Увы дорогіе моряки, единственные друзьи мои; вы одни лишь остались мнѣ вѣрными. Посмотрите, какія окружаютъ меня со всѣхъ сторонъ волны убійственнаго морскаго волненія.

Хоръ (къ Текмессѣ). Ты, къ сожалѣнію, говоришь повидимому сущую правду. Само дѣло указываетъ на то, какъ онъ безуменъ.

ἀντιστροφὴ α′: 1-я пѣснь другой половины хора.

Аянтъ. Увы, помощники мои морскіе, что ѣздите на корабляхъ, налегая на морскія весла. Вѣдь одни лишь вы готовы помочь мнѣ противъ царей. Такъ убейте же меня!

Хоръ. Говори хорошія слова! Не увеличивай своего несчастнаго бѣдствія прибавленіемъ ко злу злыхъ словъ въ качествѣ цѣлебнаго средства.

στροφὴ β′: 2-я пѣснь одной половины хора.

Аянтъ. Развѣ ты не видишь, какъ я, бывшій смѣлымъ, мужественнымъ и неустрашимымъ въ гибельныхъ битвахъ, доказалъ свою силу на безопасныхъ животныхъ? Увы, вотъ предлогъ для насмѣшекъ. Сколь я опозоренъ!

Текмесса. Господинъ мой, Аянтъ, не говори этого, умоляю тебя.

Аянтъ. Прочь! Уйди прочь! Горе, горе!

Хоръ. Ради боговъ, уступи и приди въ себя.

Аянтъ. О я несчастный, я, который, упустивъ этихъ нечестивцевъ, напалъ на кривороrихъ быковъ и славныхъ козъ и пролилъ ихъ черную кровь.

Хоръ. Да что ты печалишься о томъ, что уже сдѣлано; вѣдь измѣниться это уже никакъ не можетъ.

ἀντιστροφὴ β′: 2-я пѣснь другой половины хора.

Аянтъ. Увы, сынъ Лаэрта, ты, который все видишь и бываешь причиною всѣхъ золъ; самый низкій

плутъ въ войскѣ—ты, конечно, будешь заливаться смѣхомъ отъ избытка радости!

Хоръ. Отъ боговъ зависитъ и смѣхъ нашъ, и горе.

Аянтъ. О еслибъ мнѣ его увидѣть, не смотря на мое несчастіе. Увы, увы!

Хоръ. Не говори ничего высокомѣрнаго. Или ты не сознаешь своего несчастія?

Аянтъ. О Зевсъ, прародитель моихъ праотцовъ! О еслибъ ты погубилъ этого хитраго, враждебнаго мнѣ плута и обоихъ царствующихъ царей! Тогда и я готовъ погибнуть!

Текмесса. Если ты желаешь этого, то я молю боговъ послать мнѣ смерть. Къ чему мнѣ жить послѣ твоей смерти?

στροφὴ γ': 3-я пѣснь одной половины хора.

Аянтъ. О тьма, служащая мнѣ свѣтомъ! О Еребъ, ты, который, представляешься мнѣ яснѣе дня, прими, прими меня въ число своихъ жителей! Я больше недостоинъ ни взирать на боговъ, ни смотрѣть съ пользою на недолговѣчныхъ людей. Но всемогущая богиня, дочь Зевса [10]), ужасно мучаетъ меня. Куда мнѣ бѣжать? Куда отправиться? Надежда моя, друзья, на мщеніе погибла; меня окружаютъ жертвы моего безумія, я предался глупой охотѣ! Притомъ оба войска готовы меня убить.

Текмесса. О я несчастная! Онъ говоритъ то, что прежде никогда не осмѣливался высказывать.

ἀντιστροφὴ γ': 3-я пѣснь другой половины хора.

Аянтъ. Увы! О шумящіе отъ моря пути, приморскія пещеры и прибрежныя пастбища; долго, очень долго удержали вы меня подъ Троею; но дальше жить я не въ состояніи и да знаетъ это всякій здравомыслящій человѣкъ. О сосѣдніе Скамандрійскіе [11]) потоки, пріятные Грекамъ, вы больше меня не увидите—я говорю это съ надменностью—вы не увидите больше величайшаго изъ героевъ, пріѣхавшихъ изъ Греціи подъ Трою; въ настоящее же время я опозоренъ.

Хоръ. Я не могу, конечно, удержать тебя и препятствовать тебѣ говорить таковое, тебѣ, удрученному столь тяжкимъ несчастіемъ.

Аянтъ. Увы, увы! Кто могъ когда-либо думать, что имя мое такъ хорошо будетъ подходить къ моимъ несчастіямъ? Мнѣ дѣйствительно должно теперь безпрерывно стонать: столь велико мое бѣдствіе. Отецъ мой, получивъ первую награду, вернулся изъ

---

[10]) Аѳина Паллада; см. дѣйств. лица.

[11]) Скамандръ—рѣка въ троянской равнинѣ (нынѣ Мендере-Су), называвшаяся по желтому цвѣту своей воды также Ксанѳомъ (ξανθός-желтый); къ сѣверу отъ Иліона въ нее впадалъ Симоэнтъ (нынѣ ручей Бунарбаши) и они оба изливались въ море близъ Сигейскаго мыса.

этой же идейской [12]) земли домой окруженный славою; я же, сынъ его, отправившись подъ эту же самую Трою, обладая не меньшею славою и совершивъ не меньше подвиговъ, погибаю, будучи столь опозоренъ Греками. А между тѣмъ я увѣренъ, что, если бы Ахиллъ былъ живъ и самъ пожелалъ присудить кому либо свое оружіе, какъ награду за храбрость, никто бы не получилъ его, кромѣ меня. Теперь же сыновья Атрея присудили это оружіе самому коварному изъ всѣхъ человѣку, отвергнувъ мои заслуги. И если бы мои глаза и извращенный умъ мой не уклонились отъ моего намѣренія, они не вынесли бы въ другой разъ такого рѣшенія. Теперь дѣвственная, страшная на видъ, богиня, дочь Зевса, [10]) ввела меня въ заблужденіе, когда я вооружился противъ нихъ, вселивъ въ меня бѣшенство, такъ что я убилъ этотъ скотъ; и вотъ они, избѣгнувъ противъ моей воли смерти, надсмѣхаются надо мною. А вѣдь если какое-либо божество лишитъ разума, то избѣгнетъ и трусъ болѣе сильнаго. Ну что мнѣ теперь дѣлать? Мнѣ, котораго ненавидятъ боги, къ которому относится враждебно греческое войско и вся Троя и даже эти равнины! Не возвратиться-ли мнѣ домой, оставивъ въ этихъ мѣстахъ, служащихъ для кораблей пристанищемъ, сыновей Атрея одними, переплывъ эгейское [13]) море? Но какъ явлюсь я къ отцу моему Теламону? Какъ перенесетъ онъ мое появленіе, меня опозореннаго и явившагося безъ отличій, между тѣмъ какъ онъ получилъ первую награду [14])? Нѣтъ, это немыслимо! Но я долженъ отправиться подъ укрѣпленія Трои и тамъ, сразившись одинъ на одинъ и совершивъ, что слѣдуетъ, наконецъ умереть [15]). Но вѣдь такимъ образомъ я доставлю удовольствіе сыновьямъ Атрея; нѣтъ, этому не быть. Нужно отыскать какой нибудь способъ доказать моему старцу-отцу, что я родился не малодуш-

---

[12]) Вмѣсто троянской; Область древняго города Трои представляла волнообразную равнину, прорѣзываемую сѣверо-западными отрогами Иды и орошаемую рѣками Сатніоэнтомъ, *Симоэнтомъ, Скамандромъ и Ѳимбріемъ.*

[13]) Такъ называлась обыкновенно часть моря между Аттикою и ост. Эвбеей; по миѳологіи такое названіе это море получило отъ Эгея, бросившагося въ его воды, когда сынъ его Тезей, отправившійся на островъ Критъ съ намѣреніемъ убить чудовище Минотавра, на возвратномъ пути забылъ убрать на своемъ кораблѣ черные паруса, какъ это было условлено между отцомъ и сыномъ въ случаѣ удачнаго исполненія послѣднимъ своей миссіи. Въ обширномъ смыслѣ слова такъ называлось все море между Греціей и Малой Азіей.

[14]) Теламонъ вмѣстѣ съ братомъ своимъ Пелеемъ принималъ участіе въ походѣ Геракла противъ троянскаго царя Лаомедонта, послѣ того какъ тотъ отказался выдать герою коня, обѣщаннаго ему за освобожденіе своей дочери Гезіоны отъ морскаго чудовища, посланнаго Поссейдономъ. Когда городъ былъ взятъ, Гераклъ убилъ царя и всѣхъ сыновей его, за исключеніемъ лишь одного Пріама, а Гезіону отдалъ въ награду Теламону, который взялъ ее съ собой на Саламинъ и которому впослѣдствіи она родила сына Тевкра.

[15]) Аянтъ высказываетъ намѣреніе сразиться одинъ на одинъ съ выдающимися героями противной стороны; побѣдивъ по очереди нѣсколькихъ, онъ можетъ тѣмъ не менѣе пасть и самъ подъ ударомъ кого-либо изъ нихъ.

нымъ. Вѣдь постыдно мужу желать долгой жизни, если онъ не можетъ освободиться отъ окружающихъ его несчастій. И, дѣйствительно, что за радость приноситъ день за днемъ, удлиняя время нашего существованія и откладывая минуту смерти? Я ни во что не ставлю человѣка, котораго радуютъ пустыя надежды. Благородный же мужъ долженъ либо славно жить, либо славно умереть. Вотъ мое мнѣніе.

Хоръ. Никто, Аянтъ, не назоветъ сказанное тобою притворнымъ; ты, конечно, высказалъ свой личный взглядъ; но подожди и дай твоимъ друзьямъ возможность разбить его, отбросивъ на время свои мрачныя мысли.

Текмесса. Владыка мой, Аянтъ! У людей нѣтъ бóльшаго зла, какъ рабство. Между тѣмъ я, которая родилась отъ свободнаго отца и самаго богатаго между Фригійцами, если только кто-нибудь изъ нихъ былъ богатъ, я—рабыня! Такъ рѣшили боги и такъ захотѣлъ ты! И съ тѣхъ поръ, какъ я раздѣляю твое ложе, я предана тебѣ. Я умоляю тебя ради покровителя домашняго очага Зевса и ради твоего ложа, на которомъ ты сходишься со мною, не допусти, чтобы меня ужасно осмѣивали твои враги и чтобы я попала въ чужія руки. Знай, что въ тотъ день, какъ ты умрешь и покинешь меня, въ тотъ самый день, я буду схвачена Греками и вмѣстѣ съ твоимъ сыномъ буду отдана въ рабство. И кто-нибудь изъ владыкъ скажетъ про меня горькое слово, восклицая: „посмотрите на супругу Аянта, имѣвшаго величайшее значеніе въ войскѣ, въ какомъ она рабствѣ, вмѣсто счастья". Такъ-то скажетъ кто-либо; меня, конечно, будетъ преслѣдовать какое-нибудь божество; но эти слова послужатъ позоромъ и для тебя и для твоего рода. Постыдись же своего отца, котораго ты хочешь покинуть въ его несчастной старости, постыдись и своей дряхлой матери, которая часто молится богамъ, чтобы ты невредимымъ прибылъ домой. Пожалѣй, владыка, и своего сына, который, лишенный въ своей юности твоего воспитанія, будетъ проводить жизнь одинъ, окруженный опекунами, а не друзьями; вотъ какое горе намѣренъ ты причинить и ему и мнѣ своей смертью. Для меня не существуетъ никого другого кромѣ тебя; ты опустошилъ мою родину, а мать мою и отца принялъ Аидъ[16]) въ число смертныхъ жителей. Развѣ можетъ быть для меня отечество безъ тебя? можетъ-ли быть богатство? въ тебѣ все мое счастье. Помни-же и ты

---

[16]) Аидъ (Плутонъ), сынъ Кроноса и Реи, братъ Зевса, властитель преисподней; строго и неумолимо призываетъ онъ души людей и держитъ ихъ въ заключеніи, такъ что никто не можетъ возвратиться къ свѣту дневному. Названіе Плутонъ онъ получилъ оттого, что онъ властвуетъ надъ глубиной земли, откуда человѣку идутъ всѣ богатства (πλοῦτος—богатство).

меня; человѣкъ долженъ помнить тѣхъ, отъ кого онъ испытываетъ наслажденіе: вѣдь благодарность всегда пораждаетъ благодарность. А если у человѣка, получившаго благодѣяніе, исчезаетъ воспоминаніе о немъ, такой человѣкъ не можетъ считаться благороднымъ.

Хоръ. Я желалъ-бы, Аянтъ, чтобы ты имѣлъ состраданіе, какъ и я; тогда бы ты одобрилъ сказанное ею.

Аянтъ. Я очень буду ей благодаренъ, *если она пожелаетъ* исполнить одно мое желаніе.

Текмесса. Дорогой Аянтъ, я во всемъ готова тебѣ повиноваться.

Аянтъ. Приведи ко мнѣ моего сына; я хочу его видѣть.

Текмесса. Въ своемъ испугѣ я его удалила.

Аянтъ. Ты хочешь сказать во время моего безумства?

Текмесса. Я боялась, какъ-бы несчастный, встрѣтившись съ тобой, не погибъ.

Аянтъ. Этого можно было ожидать отъ моего безумства.

Текмесса. Къ счастью я предохранила его отъ смерти.

Аянтъ. Хвалю твой поступокъ и твою предусмотрительность.

Текмесса. Что же ты еще желаешь отъ меня?

Аянтъ. Дай мнѣ возможность его видѣть и съ нимъ поговорить.

Текмесса. Его вблизи охраняютъ слуги.

Аянтъ. Что-же препятствуетъ ему быть здѣсь теперь.

Текмесса. (Кричитъ). Сынъ мой! Отецъ зоветъ тебя. Пусть приведетъ его сюда тотъ слуга, который въ настоящую минуту руководитъ имъ.

Аянтъ. Что-же идетъ онъ, или онъ не слышалъ твоего зова?

Текмесса. Вотъ ведетъ его слуга.

Аянтъ. Веди его, веди сюда; вѣдь онъ не будетъ бояться совершеннаго недавно убійства, если онъ дѣйствительно мой сынъ. Онъ долженъ быть воспитанъ въ суровыхъ обычаяхъ своего отца и долженъ быть похожъ на него отъ природы. Сынъ мой! Будь счастливѣе своего отца, въ остальномъ же будь похожъ на него; и не будь также злымъ. Еще я завидую тебѣ въ томъ, что ты не чувствуешь ни одного изъ этихъ бѣдствій. Вѣдь лучше всего живется, когда ничего не чувствуешь, пока не научишься ни радостямъ ни горю; а когда настанетъ это время, покажи своимъ врагамъ, что ты достойный сынъ своего отца. До тѣхъ же поръ питайся легкими дуновеніями вѣтра, веселись, пока ты молодъ, и доставляй радость своей матери. Никто изъ Грековъ не осмѣлится тяжко

оскорбить тебя, даже когда меня не будетъ около. Я оставлю при тебѣ стражемъ твоимъ Тевкра, который весьма дѣятельно будетъ заботиться о твоемъ воспитаніи, даже когда будетъ уходить далеко отъ тебя, гоняясь за врагами. Вы же, друзья-щитоносцы, находящіеся при морѣ, вамъ поручаю я возвѣстить Тевкру мою просьбу, именно, отвезти моего сына домой къ Теламону и къ моей матери Эрибоѣ, чтобы онъ сталъ ихъ кормильцемъ въ старости, на все время пока они не умрутъ. Оружіе же мое пусть не предлагаютъ никому въ награду ни предсѣдатели состязаній, ни мой губитель [17]). Ты самъ, дитя мое, Эврисакъ, долженъ владѣть крѣпкимъ щитомъ моимъ, такъ какъ ты получилъ отъ него свое имя[18]), щитомъ, сдѣланнымъ изъ семи бычачьихъ шкуръ, ворочая его за крѣпко сшитую ручку. Прочее же оружіе да будетъ похоронено вмѣстѣ со мною. Возьми же, жена, сына и, какъ можно скорѣе, запри его дома; да не плачь публично. Вѣдь женщины очень сострадательны; но лучше запри его скорѣе. Хорошій врачъ не долженъ пѣть чарующей пѣсни при болѣзни, нуждающейся въ операціи.

Хоръ. Я боюсь, слушая твое усердіе. Мнѣ не нравятся твои возбужденныя слова.

Текмесса. Владыка, Аянтъ, что это ты замышляешь?

Аянтъ. Не спрашивай и не старайся узнать: твое украшеніе — скромность.

Текмесса. Горе мнѣ! Ахъ, какъ я боюсь! Умоляю тебя ради твоего ребенка и ради боговъ, не покидай насъ!

Аянтъ. Ты меня слишкомъ безпокоишь. Или ты не знаешь, что изъ уваженія къ богамъ я не смѣю защищать васъ?

Текмесса. Говори хорошія слова.

Аянтъ. Давай совѣты тѣмъ, кто тебя слушаетъ.

Текмесса. А тебя нельзя убѣдить?

Аянтъ. Ты слишкомъ много болтаешь.

Текмесса. Владыка, я боюсь.

Аянтъ. О если-бы тебя поскорѣе заперли.

Текмесса. Ради боговъ, успокойся.

Аянтъ. Ты говоришь, по моему, глупости, если ты надѣешься перевоспитать меня. (Уходятъ).

στάσιμον ά: Хоровая часть послѣ 1-го діалога.

Хоръ. О славный Саламинъ! омываемый моремъ, ты счастливо живешь, всегда всѣмъ извѣстный; я же,

---

17) Одиссей.

18) Эврисакъ (Εὐρύσακος), дословно «широкій щитъ» отъ εὐρύς — широкій и σάκος — щитъ.

στροφὴ α': 1-ая пѣснь одной половины хора.

несчастный, съ давняго времени ожидаю возмездія, *которое должны претерпѣть Идейскія луга*[12]), и втеченіи безчисленнаго ряда мѣсяцевъ мучитъ меня быстрое время, меня, лелѣющаго надежду достигнуть страшнаго губительнаго Аида.

ἀντιστροφὴ α': 1-я пѣснь другой половины хора.

Къ тому же мнѣ приходится бороться съ труднымъ для ухода Аянтомъ, который, увы, увы, сошелъ съума! Его ты прислалъ нѣкогда такимъ, что онъ выходилъ побѣдителемъ изъ неистовыхъ сраженій; теперь же, помѣшанный, онъ доставляетъ своимъ друзьямъ много заботъ. Его прежніе великаго достоинства подвиги остались, остались безъ благодарности со стороны неблагодарныхъ и не любезныхъ сыновей Атрея!

στροφὴ β': 2-ая пѣснь одной половины хора.

Безъ сомнѣнія, когда его старая, убѣленная сѣдинами, мать услышитъ, что онъ страдаетъ умопомѣшательствомъ, горе, горе, она подниметъ, несчастная, не стонъ жалобной птицы—соловья, но будетъ пронзительно оплакивать его, ударяя себя шумно руками въ грудь и вырывая на головѣ сѣдыя волоса.

ἀντιστροφὴ β': 2-я пѣснь другой половины хора.

Лучше-бы, поэтому, онъ сошелъ въ царство Аида, онъ, страдающій неисцѣлимой болѣзнью, чѣмъ, прибывши изъ отеческой земли лучшимъ изъ многострадальныхъ Грековъ, измѣнилъ своимъ природнымъ наклонностямъ и потерялъ разсудокъ. О несчастный отецъ, сколь плачевную судьбу сына предстоитъ тебѣ услышать; такая судьба не постигала никого изъ божественныхъ Эакидовъ, кромѣ этого.

Ἐπεισόδιον β': 2-я *діалогическая* часть.

Аянтъ. Время въ своемъ длинномъ и безконечномъ теченіи дѣлаетъ извѣстнымъ все, что было невидимо, и скрываетъ то, что было открыто; и при этомъ не бываетъ ничего неожиданнаго: терпятъ пораженіе и страшная клятва и суровые характеры. Такъ и я самъ, переносившій съ мужествомъ всѣ опасности, я, подобно желѣзу отъ закалки, смягченъ словами этой женщины и мнѣ жаль оставить среди враговъ ее вдовою и сына сиротою. Однако пойду-ка я покупаться на прибрежные луга, чтобы, очиствивъ съ себя позоръ, избѣжать гнѣва жестокой богини; и прибывши въ недоступное мѣсто, я спрячу тамъ, вырывъ яму, свой мечъ, самое ненавистное оружіе, гдѣ его никто не увидитъ; да хранятъ его ночь и Аидъ! Съ тѣхъ поръ какъ я получилъ его въ даръ изъ рукъ врага моего Гектора[19]), я не ви-

[19]) Старшій сынъ Пріама и Гекабы, вождь и главный герой троянцевъ въ троянскую войну. Въ VII книгѣ Иліады (поэма Гомера) разсказывается о его поединкѣ съ Аянтомъ, сыномъ Теламона: долго бились герои, оба оказались непобѣдимыми и на прощанье одарили другъ-друга: Гекторъ подарилъ мечъ съ серебряной рукояткой, а Аянтъ пурпуровый поясъ.

дѣлъ ничего хорошаго отъ Грековъ; вотъ ужъ справедлива людская поговорка: „дары враговъ — несчастные дары и не приносятъ они пользы“. Такимъ образомъ впредь я съ сумѣю уступать богамъ и научусь почитать сыновей Атрея; вѣдь они—начальники, стало быть имъ слѣдуетъ повиноваться. Да и зачѣмъ мнѣ противиться этому? Сила и могущество уступаютъ тому, что окружаютъ почести; такъ плодородному лѣту уступаетъ въ снѣгу шествующая зима; въ свою очередь уступаетъ и мрачная ночь, исчезая, при появленіи свѣтящейся зари, ѣдущей на бѣлыхъ коняхъ; точно также дуновенія сильныхъ вѣтровъ часто успокоиваютъ бурное море; даже всевластный сонъ покидаетъ скованныхъ имъ людей и не постоянно владѣетъ ими. Какъ же не быть мнѣ благоразумнымъ? Вѣдь я прекрасно понимаю, что, ненавидя врага, не слѣдуетъ забывать, что можетъ настать время, когда онъ сдѣлается твоимъ другомъ; точно также, оказывая услуги друзьямъ, я имѣю въ виду, что, быть можетъ, они и не останутся таковыми навсегда. Дружба для большинства—ненадежная гавань! Но объ этомъ довольно. (Къ Текмессѣ). Ты же, жена, отправься домой и помолись богамъ, чтобы все исполнилось, какъ я хочу. И вы, друзья-товарищи, удостойте меня того-же, а также объявите Тевкру, когда онъ придетъ, чтобы онъ вмѣстѣ съ вами позаботился обо мнѣ и былъ ко мнѣ благосклоненъ. И такъ я отправляюсь, куда слѣдуетъ. Вы же исполните все, что я говорю и, быть можетъ, скоро услышите, что я спасенъ не смотря на то, что теперь несчастливъ. (Уходитъ. Текмесса входитъ въ палатку.)

στάσιμον β': Хоровая часть послѣ 2-го діалога.

στροφή: пѣснь одной половины хора.

Хоръ. Я трепещу отъ радости; я готовъ прыгать отъ удовольствія. О Панъ[20]), Панъ! О Панъ, Панъ, блуждающій по морю! Появись изъ утесистаго хребта покрытой снѣгомъ Килланіи[21]); о царь, управляющій хорами боговъ, когда ты присутствуешь, я—самоучка пляшу танцы Низіи и Кнозіи[22]). Теперь мнѣ хочется плясать!

---

[20]) Сынъ Гермеса (или Зевса), богъ лѣсовъ и рощъ; онъ родился съ рогами, козлиными ногами, бородой, кривымъ носомъ, волосами по всему тѣлу и съ хвостомъ. Онъ изобрѣлъ свирѣль, на которой играетъ пѣсни нимфамъ; съ ними онъ также танцуетъ изобрѣтенные имъ самимъ танцы, а также водитъ хороводы безсмертныхъ боговъ; постоянное его пребываніе—въ свитѣ Діониса (Вакха, бога вина и веселія).

[21]) Гора въ Аркадіи, нынѣ Цирія.

[22]) Низія—мѣсторожденіе Діониса; Кносъ—населенный городъ на островѣ Критѣ, посвященный этому богу; танцы, о которыхъ идетъ рѣчь, были веселыя, оживленныя *пляски*, устраивыемыя вакхантами въ честь Діониса.

Царь Делоса[23]), Аполлонъ, хорошо всѣмъ извѣстный, перейди икарское [24]) море и явись ко мнѣ милостивымъ навсегда.

ἀντιστροφή: пѣснь другой половины хора.

Аресъ [4]) снялъ ужасную печаль съ нашихъ глазъ. О, счастье! Теперь, о Зевсъ, для меня насталъ снова свѣтлый, благоденственный день: мнѣ можно приблизиться къ быстрымъ, скороходнымъ кораблямъ, такъ какъ Аянтъ, забывъ о своей печали, вполнѣ совершилъ всѣми чтимыя постановленія и законы въ честь благочестивыхъ боговъ. Великое время уничтожаетъ все; по моему нѣтъ ничего невозможнаго, такъ какъ даже Аянтъ, вопреки всякому ожиданію, оставилъ свой гнѣвъ и свою давнишнюю вражду по отношенію къ сыновьямъ Атрея!

ἐπεισόδιον γ': 3-я діалогическая часть.

Вѣстникъ. Друзья! Прежде всего я хочу возвѣстить вамъ, что Тевкръ вернулся съ мизійскихъ [25]) утесовъ; какъ только онъ вошелъ въ середину лагеря, всѣ Греки вмѣстѣ начали поносить его: именно, узнавъ, что онъ пришелъ издалека, они окружили его и стали поносить со всѣхъ сторонъ бранью—рѣшительно всѣ—называя его братомъ сумасшедшаго и злоумышленника относительно всего войска и утверждая, что ничто не помѣшаетъ имъ убить его, побивъ камнями; дѣло дошло до того, что изъ ноженъ были извлечены даже мечи. И споръ ихъ, все увеличиваясь, былъ наконецъ прекращенъ благодаря тому, что вмѣшались старцы. Но гдѣ-же нашъ Аянтъ; я хочу разсказать это все ему самому: вѣдь должно обо всемъ разсказывать самимъ владыкамъ.

Хоръ. Его нѣтъ дома; онъ недавно ушелъ, чтобы соединить вновь предпринятое рѣшеніе съ новымъ образомъ мыслей.

Вѣстникъ. Увы, увы! Онъ послалъ меня слишкомъ поздно, или я самъ явился слишкомъ поздно.

Хоръ. Чего недостаетъ тебѣ вслѣдствіе его отсутствія?

Вѣстникъ. Тевкръ велѣлъ не выпускать Аянта изъ дому, до своего прибытія.

Хоръ. Но вѣдь онъ уже ушелъ, чтобы послѣдовать лучшему совѣту—примириться съ богами.

---

[23]) Делосъ, нынѣ Дили, самый малый изъ Кикладскихъ островокъ, славившійся какъ мѣсторожденіе Аполлона и Діаны.

[24]) Икарскимъ моремъ называлась юго-восточная часть эгейскаго моря между островами Критомъ и Икаріей; свое названіе оно получило отъ Икара, сына Дедала; послѣдній, желая убѣжать отъ царя Крита Миноя, сдѣлалъ себѣ и сыну своему крылья изъ перьевъ и воску—и полетѣлъ съ нимъ въ Сицилію. Дорогой Икаръ подлетѣлъ слишкомъ близко къ солнцу, крылья его разстаяли и онъ упалъ въ море.

[25]) Вм. троянскихъ. Мизія, сѣверо-западная провинція Малой Азіи, дѣлилась на 5 частей: Малую Мизію, Великую Мизію, Троаду, Эолиду и Тевѳранію; здѣсь идетъ рѣчь о третьей части этой провинціи.

Вѣстникъ. Все это глупости, если только Калхантъ [26]) предсказываетъ въ здравомъ умѣ.

Хоръ. А что онъ предсказываетъ? Развѣ онъ знаетъ что-либо о поступкѣ Аянта?

Вѣстникъ. Вотъ, что я знаю и свидѣтелемъ чего я былъ: Калхантъ, удалившись изъ засѣданія царей, одинъ, безъ сыновей Атрея, дружелюбно взялъ Тевкра за правую руку и просилъ его всячески удерживать Аянта сегодня дома и не позволять ему выйти, если только онъ желаетъ видѣть его живымъ. По словамъ Калханта только сегодня преслѣдуетъ Аянта гнѣвъ богини Аѳины. Предсказатель увѣрялъ, что лишніе и безполезные люди ввергаются въ несчастіе богами тогда, когда, происходя отъ людей, мыслятъ не по-людски. Аянтъ же, отправляясь изъ дому, преглупо отвѣтилъ на разумныя отцовскія слова; именно, когда тотъ далъ ему совѣтъ: „дитя мое, старайся побѣждать враговъ оружіемъ, но всегда въ союзѣ съ божествомъ“, онъ высокомѣрно и безумно сказалъ ему въ отвѣтъ: „Отецъ мой, съ помощью боговъ всякій ничтожный человѣкъ можетъ достичь побѣды; я же и безъ ихъ содѣйствія надѣюсь пріобрѣсти себѣ славу“. Такъ онъ хвастался; потомъ во второй разъ богинѣ Аѳинѣ, побуждающей его обратить свою убійственную руку на враговъ, онъ въ отвѣтъ сказалъ ужасное и невыразимое слово: „Царица, помогай другимъ Грекамъ; наше-же войско никогда не прорвутъ враги“. Такими враждебными словами онъ возбудилъ противъ себя гнѣвъ богини, такъ какъ мыслилъ не по-человѣчески. Но по прошествіи этого дня, мы, быть можетъ, спасемъ его съ божьей помощью. Вотъ все, что сказалъ предсказатель. Тевкръ-же послалъ меня тотчасъ изъ собранія сообщить вамъ его предсказанія, чтобы вы ихъ исполнили. Если-же мы лишены возможности сдѣлать это, то Аянтъ погибъ, если только Калхантъ въ здравомъ умѣ.

Хоръ. (Кричитъ). О несчастная Текмесса, несчастный родъ; приди и послушай, что возвѣщаетъ этотъ человѣкъ. Это насъ заживо задѣваетъ и никому нельзя радоваться.

Текмесса. (Выходитъ изъ палатки). Зачѣмъ вы опять вызываете изъ дому меня несчастную, недавно успокоившуюся отъ нескончаемыхъ бѣдствій.

Хоръ. Послушай этого мужа, какія извѣстія приноситъ онъ о судьбѣ Аянта, о которой я безпокоюсь.

Текмесса. Горе мнѣ, что ты говоришь, человѣкъ! неужели мы погибли?

---

[26]) Калхантъ, сынъ Ѳестора изъ Микенъ, жрецъ Аполлона, извѣстный прорицатель, сопровождавшій грековъ въ походѣ ихъ на Трою.

Вѣстникъ. Я не знаю твоей участи, относительно же Аянта я сильно боюсь, если его нѣтъ дома.

Текмесса. Онъ ушелъ; я мучусь поэтому, ожидая, что ты скажешь.

Вѣстникъ. Тевкръ приказываетъ удержать его дома и не выпускать одного.

Текмесса. Гдѣ Тевкръ, на чемъ основываясь говоритъ онъ это?

Вѣстникъ. Онъ недавно лишь пришелъ; онъ боится *) возвѣстить вамъ гибельную судьбу Аянта.

Текмесса. Горе мнѣ! Отъ кого узналъ онъ ее?

Вѣстникъ. Отъ предсказателя, сына Θестора [26]), что сегодняшній день приноситъ ему либо смерть, либо жизнь!

Текмесса. Горе мнѣ; друзья, поспѣшите на помощь ко мнѣ въ этомъ несчастіи: одни изъ васъ пусть позовутъ поскорѣй Тевкра; другіе пусть отправятся къ западу, третьи къ востоку и всѣ— ищите его несчастнаго. Я поняла теперь, что обманута имъ и что прежняя любовь моя отвергнута. Увы, дитя, что мнѣ дѣлать? Теперь не время праздно сидѣть! Пойду и я, куда могу. И такъ идемте-же поспѣшно—теперь не время отдыхать—если желаемъ спасти мужа, который ищетъ смерти.

Хоръ. Я готовъ идти за тобою и докажу тебѣ это не только словами: доказательствомъ послужитъ быстрота моихъ ногъ.

II.

Декораціи мѣняются; сцена представляетъ мрачную, пустынную рощу на берегу моря; у опушки ея стоитъ Аянтъ, пристально устремивъ взоры на свой мечъ, погруженный въ землю остріемъ вверхъ.

Аянтъ. Вотъ мой мечъ укрѣпленъ и въ такомъ положеніи онъ прекрасно пронзитъ меня—если только теперь время разсуждать. Это даръ Гектора—самого ненавистнаго мнѣ врага, самого враждебнаго. Я укрѣпилъ его въ враждебной троянской землѣ, только что наточивъ пожирающимъ желѣзо оселкомъ; и укрѣпляя, я устроилъ такъ, что онъ тотчасъ же убьетъ меня, какъ только я этого захочу. Вѣдь къ этому я хорошо приготовился. И въ этомъ ты, Зевсъ, первый помоги мнѣ — такъ вѣдь подобаетъ; и я прошу у тебя не особенной милости: пошли кого-нибудь возвѣстить Тевкру мой печальный конецъ, чтобы онъ первый поднялъ мой трупъ, когда я упаду на этотъ обагренный свѣжею кровью мечъ. И не допусти, чтобы меня подсмотрѣли враги и бро-

*) ἐλπίζει здѣсь vox media, въ значеніи φοβεῖται.

сили въ добычу собакамъ и хищнымъ птицамъ; вотъ все о чемъ я прошу тебя, Зевсъ! Вмѣстѣ съ тѣмъ я взываю къ подземному Гермесу[27]), провожающему души умершихъ въ царство Аида и прошу его меня быстро успокоить, сдѣлавъ нетрепещущій, быстрый прыжокъ, когда я проколю себѣ бокъ этимъ мечемъ. Затѣмъ я взываю къ помощницамъ—вѣчнымъ дѣвицамъ, видящимъ всѣ бѣдствія людскія, къ почтеннымъ и быстроногимъ Эринніямъ[28]); пусть онѣ знаютъ, что я несчастный погибаю по милости сыновей Атрея. Пусть онѣ схватятъ этихъ злодѣевъ, этихъ совершенно погибшихъ людей! И какъ вы видите мое самоубійство, пусть они также погибнутъ отъ руки своихъ наиболѣе любимыхъ потомковъ [29]). Идите же быстрѣе мстительницы Эринніи, покарайте безъ пощады все войско. Ты же, Солнце[30]), ѣдущее на колесницѣ по высокому небу, ты, когда увидишь мое отечество, удержи свои, украшенныя сверху золотомъ вожжи и возвѣсти мою печальную участь и мои несчастія старцу-отцу и несчастной матери! Моя бѣдная мать, услыхавъ о моей судьбѣ, подниметъ по всему городу сильный стонъ; но ей нечего

---

[27]) Гермесъ, сынъ Зевса и Майи, дочери Атланта, родился на аркадской горѣ Килленѣ. Съ первыхъ дней своей жизни онъ проявилъ необыкновенную ловкость, проворство, сметливость и изобрѣтательность; глашатай боговъ, гонецъ и исполнитель воли Юпитера, онъ является вождемъ сновидѣній, вѣстниковъ Юпитера, и подателемъ сна. Онъ научилъ только что созданныхъ людей искусству говорить, читать, считать, играть на лирѣ, совершать богослуженія, а также заниматься промышленностью, доставляющей богатство; при этомъ онъ покровительствуетъ хитрости и обману, даже кражѣ и ложной клятвѣ, лишь бы все это исполнялось съ извѣстнаго рода граціей и изворотливостью. Кромѣ того онъ богъ стадъ, пастбищъ и дорогъ, путеводитель странниковъ и проводникъ умершихъ въ подземный міръ, почему къ нему и взываетъ передъ своей смертью Аянтъ.

[28]) Эринніи—страшныя богини проклятія, мести и кары у древнихъ; если человѣкъ совершилъ въ своей жизни преступленіе противъ священныхъ правъ, то Эринніи возстаютъ противъ преступника и караютъ его, причемъ преслѣдованія ихъ не ограничиваются землею, но продолжаются и въ подземномъ мірѣ. По древнѣйшему миѳу онѣ дочери Геи, происшедшія отъ крови изувѣченнаго сыномъ своимъ Кроносомъ Урана; Софоклъ называетъ ихъ дочерьми Ночи и Геи, а у позднѣйшихъ писателей приводятся и ихъ имена: Алекто (Ἀληκτώ, *никогда не успокоивающаяся*), Тизифона (Τισιφόνη мстительница за убійство) и Мегера (Μέγαιρα, враждебная). Въ Аттикѣ у нихъ было святилище при Ареопагѣ и на холмѣ Колонѣ. Искусство изображаетъ ихъ въ видѣ проворныхъ, крылатыхъ дѣвъ-*охотницъ*, съ факелами и змѣями въ рукахъ.

[29]) Аянтъ проситъ Эринній отомстить своимъ врагамъ; онъ упоминаетъ, правда, здѣсь только объ *сыновьяхъ Атрея*, Агамемнонѣ и Менелаѣ, но имѣетъ въ виду также и Одиссея, что доказывается послѣдующей фразой, гдѣ онъ говоритъ «о всемъ войскѣ». На самомъ дѣлѣ проклятіе героя въ точности отозвалось только на одномъ Одиссеѣ, который, *по миѳу*, былъ убитъ своимъ *побочнымъ* сыномъ Телегономъ (отъ волшебницы Кирки). Агамемнонъ по возвращеніи своемъ домой также погибъ, но отъ рукъ своей жены Клитемнестры (сестры Елены, дочери Тиндарея) и ея любовника Эгисѳа (сына Ѳіеста, двоюроднаго брата Агамемнона). Что же касается Менелая, то онъ совсѣмъ избѣгъ смерти и, какъ зять Зевса (Елена считалась только дочерью Тиндарея, а на самомъ дѣлѣ отцомъ ея былъ Зевсъ) живымъ отправился въ Елизій — мѣстопребываніе блаженныхъ (въ противоположность Тартару—жилищу грѣшниковъ).

[30]) Древніе представляли себѣ Солнце (онъ сынъ Гиперіона и Ѳейи, впослѣдствіи отождествленъ съ Фебомъ—Аполлономъ) ѣдущимъ на блестящей колесницѣ, везомой бѣлыми огнедышащими конями; утромъ онъ поднимается съ востока, гдѣ у него великолѣпный замокъ, изъ океана и, объѣхавъ небосклонъ, вечеромъ спускается опять въ океанъ.

понапрасну плакать, а вотъ мнѣ слѣдуетъ поскорѣй окончить свое дѣло... Смерть, смерть, приди и взгляни на меня; съ тобою я поговорю и тамъ... Теперь же я обращаюсь къ блеску свѣтлаго дня и къ ѣдущему на колесницѣ Солнцу, которыхъ я вижу въ послѣднiй разъ и не увижу больше никогда. О свѣтъ, о священная земля родного отечества моего Саламина, о отеческiй очагъ, о славные Аѳины и вы всѣ, что воспитаны вмѣстѣ со мною, а также источники, рѣки и равнины Трои,—къ вамъ обращаюсь я; прощайте кормильцы мои; вамъ посылаетъ свой послѣднiй привѣтъ Аянтъ. Остальное же я разскажу подземнымъ въ царствѣ Аида!

(Кидается на мечъ и умираетъ).

(На сценѣ появляются съ разныхъ сторонъ два полухора).

1-й полухоръ. Горе увеличенное горемъ причиняетъ двойное горе. Увы! увы! Гдѣ я только не былъ? И ни одно мѣсто не можетъ дать мнѣ указанiе! Чу! Чу! я слышу какой-то шумъ.

2-й полухоръ. Это я, твой товарищъ по плаванiю.

1-й полухоръ. Ну что ты скажешь хорошаго?

2-й полухоръ. Я обошелъ весь лагерь съ запада.

1-й полухоръ. И что-же ты нашелъ?

2-й полухоръ. Много труда и больше—ничего.

1-й полухоръ. А я обошелъ все пространство съ востока, и нигдѣ его не встрѣтилъ.

879. **Хоръ.** (Оба полухора сходятся). Какой человѣкъ, кто изъ многотрудящихся моряковъ, день и ночь бодрствующихъ, занимаясь своимъ дѣломъ, кто изъ богинь Олимпiйскихъ-ли или текущихъ рѣкъ Босфора [31]), кто можетъ сказать мнѣ, не видѣлъ-ли онъ гдѣ-либо блуждающимъ жестокосердаго Аянта? Вѣдь мнѣ тяжело видѣть свои скитальческiе труды не достигшими цѣли, такъ какъ мы не знаемъ, гдѣ находится Аянтъ!

στροφή: пѣснь одной половины хора.

Текмесса. Увы, горе мнѣ!

Хоръ. Вблизи раздался изъ долины чей-то голосъ.

Текмесса. Горе мнѣ несчастной!

Хоръ. Я вижу взятую въ плѣнъ несчастную молодку Текмессу, постоянно оплакивающую свое горе.

Текмесса. Друзья! я умираю, я гибну—я уничтожена.

Хоръ. Въ чемъ дѣло?

---

31) Подъ «Олимпiйскими богинями», разумѣются богини горъ ореады Олимпа, который довольно часто смѣшивается трагиками съ горой Идой въ Троѣ; подъ «богинями Босфора»—богини рѣкъ впадающихъ въ Геллеспонтъ (наяды).

Текмесса. Вотъ здѣсь лежитъ Аянтъ недавно закланный, покрывая мечъ своимъ тѣломъ.

Хоръ. О горе нашему возвращенію; царь, ты убилъ этимъ своихъ спутниковъ! О я несчастный, о несчастная женщина!

Текмесса. Теперь ужъ можно намъ плакать.

Хоръ. Отъ чьей руки, несчастный, палъ онъ?

Текмесса. Очевидно, что онъ погибъ отъ самоубійства; вѣдь доказательствомъ служитъ этотъ воткнутый въ землю мечъ, пронзившій насквозь его тѣло.

Хоръ. О ужасное несчастіе! Вдали, незащищенный друзьями, ты покончилъ съ собою. Я же ничего не слыхавъ, ничего не зная,—оставался беззаботнымъ. Увы! Увы! Погибъ несчастный, упрямый Аянтъ!

Текмесса. Я не позволю смотрѣть на него; я покрою его со всѣхъ сторонъ вотъ этимъ плащемъ: вѣдь никто—а тѣмъ болѣе друзья—не въ состояніи смотрѣть на него, истекающаго черной кровью, которая струится изъ ноздрей и изъ раны, имъ самимъ себѣ причиненной. Увы, что мнѣ дѣлать! Кто изъ друзей подниметъ тебя? Гдѣ Тевкръ? Какъ кстати пришелъ бы онъ, еслибы пришелъ теперь—чтобы вмѣстѣ похоронить своего погибшаго брата. О несчастный Аянтъ—ты, такой храбрый, покончилъ свое существованіе такъ, что заслуживаешь слезъ даже со стороны враговъ.

ἀντιστροφή: пѣснь другой половины хора.

Хоръ. Несчастный, ты давно упорно намѣревался положить предѣлъ своему исполненному безчисленныхъ страданій существованію! И дни и ночи ты, жестокосердый, вздыхалъ, враждебно угрожая гибельной мукой сыновьямъ Атрея. А началомъ твоихъ великихъ мученій былъ несомнѣнно споръ объ оружіи Ахилла!

Текмесса. Горе мнѣ!

Хоръ. Я знаю, что это сильное бѣдствіе проникаетъ до самаго сердца.

Текмесса. Горе мнѣ!

Хоръ. Я нисколько не удивляюсь твоимъ сѣтованіямъ, разъ ты только что лишилась такого друга.

Текмесса. Ты вѣдь только такъ думаешь о немъ, я же это дѣйствительно чувствую.

Хоръ. Да, это правда!

Текмесса. Горе мнѣ, дитя! Какое рабство предстоитъ намъ переносить, сколько ожидаютъ насъ господъ.

Хоръ. Увы! Ты въ своемъ горѣ намекнула на ужасный поступокъ двухъ безжалостныхъ сыновей Атрея; но вѣдь божество не допуститъ этого.

Текмесса. Еслибы не воля боговъ—и всего этого не случилось-бы!

Хоръ. Да, боги причинили тебѣ ужасное огорченіе.

Текмесса. Это бѣдствіе произвела ужасная богиня Паллада, дочь Зевса, ради Одиссея.

Хоръ. Многострадальный [32]) Одиссей въ своей мрачной душѣ издѣвается надъ нами и осмѣиваетъ, сильно смѣясь, наше ужасное горе. Увы! Увы! Вмѣстѣ съ нимъ, услыхавъ, смѣются и оба царя, сыновья Атрея.

Текмесса. Пусть-же они себѣ смѣются и радуются несчастіямъ Аянта; они не любили его при жизни—быть можетъ будутъ оплакивать его смерть, когда понадобится онъ въ битвѣ. Вѣдь глупцы, имѣя въ рукахъ счастье, замѣчаютъ его не раньше, чѣмъ потеряютъ. Своей смертью Аянтъ доставилъ мнѣ горе, имъ—удовольствіе, себѣ же самому—наслажденіе. Вѣдь ею онъ достигъ того, чего желалъ, именно смерти, къ которой стремился. Надъ чѣмъ же могутъ они надсмѣхаться? Вѣдь онъ умеръ изъ-за боговъ, а не ради ихъ, безъ сомнѣнія. Поэтому Одиссей будетъ смѣяться совершенно напрасно. Для нихъ Аянтъ больше не существуетъ. Мнѣ же своею гибелью онъ доставилъ одно лишь горе и слезы!

Тевкръ (издали). Увы, горе мнѣ!

Хоръ. Молчи, я слышу кажется голосъ Тевкра, поющаго пѣснь, соотвѣтствующую нашему горю.

Тевкръ (входитъ). О дорогой Аянтъ, мой братъ родной, неужели ты погибъ, какъ гласитъ молва?

Хоръ. Нашъ герой погибъ; знай это, Тевкръ.

Тевкръ. Горе мнѣ несчастному.

Хоръ. Послѣ этого случая.—

Тевкръ. Горе мнѣ, о я несчастный!

Хоръ.—Можно плакать!

Тевкръ. О ужасное страданіе.

Хоръ. Да, Тевкръ, страшное.

Тевкръ. О я несчастный! А что сынъ его, гдѣ онъ здѣсь, въ землѣ Троянской?

Хоръ. Онъ остался одинъ возлѣ шатра.

---

[32]) Здѣсь иронически, хотя «многострадальный» обыкновенный эпитетъ Одиссея у Гомера, выставляющаго своего героя только съ хорошей стороны.

Тевкръ. Приведи же его поскорѣе сюда, чтобы кто-либо изъ враговъ не похитилъ его, подобно дѣтенышу вдовой львицы. Ступай поспѣшно, помогай! Вѣдь всѣ любятъ смѣяться надъ мертвыми.

Хоръ. Тевкръ, Аянтъ, еще будучи живымъ, просилъ тебя позаботиться о немъ, какъ ты это и дѣлаешь теперь.

Тевкръ. О зрѣлище, самое печальное изъ всѣхъ, что я видѣлъ! О поѣздка, болѣе всѣхъ измучившая меня, которую я теперь совершилъ, дорогой Аянтъ, когда, преслѣдуя и отыскивая по слѣдамъ враговъ, услышалъ о твоей несчастной участи. Вѣдь молва о томъ, что ты погибъ, распространилась среди всѣхъ грековъ, какъ о какомъ-то богѣ. И я, несчастный, услыхавъ, будучи вдали, застоналъ, а теперь видя—погибаю. Увы! Пойди, открой, чтобы я могъ видѣть весь трупъ. О страшное на видъ зрѣлище, исполненное ужасной отваги! Какое горе причинилъ ты мнѣ своею гибелью. Куда можно мнѣ явиться, гдѣ показаться мнѣ, не оказавшему тебѣ никакой помощи въ твоемъ несчастіи. Конечно Теламонъ, отецъ твой и мой, приметъ меня весело и милостиво, когда я явлюсь безъ тебя! Какъ же иначе и поступить ему, на устахъ котораго никогда, даже въ радостныя минуты, не играла улыбка! О чемъ умолчитъ онъ, какимъ бранным словомъ не назоветъ меня? Онъ назоветъ меня незаконнорожденнымъ отъ взятой въ плѣнъ женщины, онъ скажетъ, что я предалъ тебя, дорогой Аянтъ, вслѣдствіе робости своей и трусости, или благодаря коварству, чтобы завладѣть послѣ твоей смерти твоимъ имуществомъ и домомъ! Съ такими словами встрѣтитъ меня сердитый и угрюмый старецъ, до ссоры раздражающійся изъ-за пустяковъ. А наконецъ, прогнанный изъ отечества, я буду изгнанъ, заклейменный именемъ раба, вмѣсто свободнаго человѣка [33]). Вотъ что ожидаетъ меня дома. Въ Троѣ-же у меня много враговъ и мало друзей. И все это я получилъ послѣ твоей смерти. Горе мнѣ, что мнѣ дѣлать? Какъ снять тебя, несчастный, съ этого блистающаго меча, благодаря которому ты испустилъ свой духъ? Гадалъ-ли ты когда-либо, что Гекторъ, хоть и мертвый, погубитъ тебя? Взгляните, ради боговъ, на судьбу этихъ двухъ смертныхъ: Гекторъ тѣмъ самымъ ремнемъ, который получилъ отъ него въ подарокъ, былъ привязанъ къ колесницѣ и влачился за ней, пока не испустилъ духъ. Этотъ-же, имѣя подарокъ Гектора—мечъ, погибъ, бросившись на него. Ужъ не Эриннія-ли выковала этотъ мечъ и не есть-ли тотъ поясъ издѣліе свирѣпаго ремесленника Аида [16])? По моему, и это и

---

[33]) Тевкръ не ошибся въ ожидающей его участи; по преданію Теламонъ дѣйствительно изгналъ его и онъ удалился со своими друзьми и сторонниками на островъ Кипръ, подаренный сидонскимъ царемъ Беломъ, гдѣ основалъ городъ Новый Саламинъ.

все вообще у людей совершается по замыслу боговъ. Таково мое мнѣніе; кому оно не нравится, тотъ пусть останется при своемъ.

Хоръ. Не говори пространно, а скажи, какъ ты его похоронишь и что будешь ты скоро отвѣчать: *я вижу одного изъ нашихъ враговъ; быть можетъ, онъ, какъ злодѣй, приходитъ посмѣяться надъ нашимъ горемъ.*

Тевкръ. Кого это ты видишь?

Хоръ. Это Менелай, ради котораго мы снарядили наше плаваніе [34]).

Тевкръ. Вижу. Его не трудно узнать вблизи.

Менелай (входитъ въ сопровожденіи двухъ герольдовъ). Эй ты тамъ, я запрещаю тебѣ хоронить этотъ трупъ; оставь его, какъ онъ есть.

Тевкръ. Почему это ты такъ высокомѣрно говоришь?

Менелай. Таково мое рѣшеніе; таково рѣшеніе и начальника войска.

Тевкръ. Не можешь-ли ты сказать также причинъ такого рѣшенія?

Менелай. Такъ какъ мы нашли, что онъ, котораго мы считали своимъ союзникомъ и другомъ, оказался враждебнѣе для насъ самихъ Троянцевъ. Онъ замыслилъ перебить все войско и ночью отправился съ намѣреніемъ привести свой планъ въ исполненіе. И еслибъ кто-либо изъ боговъ не подавилъ его попытку, то мы всѣ погибли бы ужасной смертью, которую теперь получилъ онъ; онъ же жилъ бы! Но божество дало его неистовству другой оборотъ, такъ что оно обратилось на овецъ и мелкій скотъ. Поэтому никто пусть не смѣетъ хоронить его тѣло, но его трупъ будетъ выброшенъ на желтый песокъ и будетъ служить пищею для приморскихъ птицъ. Не сердись же по-напрасну: если мы не могли одолѣть Аянта при его жизни, мы сумѣемъ сдѣлать это послѣ его смерти, даже если ты этого не хочешь; мы принудимъ тебя. При своей жизни онъ никогда не желалъ повиноваться моимъ словамъ, а, безъ сомнѣнія, частный гражданинъ, не желающій слушаться своихъ начальниковъ,—скверный человѣкъ. Вѣдь и въ государствѣ никогда бы не имѣли вѣса законы, если бы ихъ нарушеніе не внушало-бы страха; такъ и въ войскѣ не было бы должной дисциплины, еслибы она не поддерживалась страхомъ и стыдомъ. Человѣкъ, какъ бы могущественenъ онъ не былъ, долженъ думать, что можетъ погибнуть отъ мельчайшаго зла. Знай, что лишь тотъ спасенъ, у кого есть страхъ, соединенный со стыдомъ, и государство, въ кото-

[34]) Троянская война была предпринята въ угоду Менелая, чтобы возвратить ему жену его, Елену, увезенную Паридомъ, сыномъ троянскаго царя Пріама.

ромъ процвѣтаютъ несправедливость и своеволіе, такое государство, знай, когда-нибудь со временемъ погибнетъ. Но пусть и у меня будетъ надлежащій страхъ и пусть я не думаю, исполнивъ, что мнѣ пріятно, что я не потерплю возмездія, которое заставитъ меня печалиться. Все это бываетъ попеременно. Прежде вотъ онъ былъ смѣлъ и наглъ; теперь же я высокомѣренъ. И я предупреждаю тебя не хоронить его, чтобы ты, приготовляя ему могилы, не погибъ бы самъ.

Хоръ. Менелай, не будь несправедливъ, ты, который сказалъ столько умнаго къ умершимъ.

Тевкръ. Я больше не буду удивляться, мужи, если человѣкъ низкаго происхожденія ошибается, такъ какъ даже тѣ, которые считаются благородными, дѣлаютъ большія ошибки въ своихъ глупыхъ рѣчахъ. Повтори-ка сначала; неужели ты серьезно увѣряешь, что привезъ съ собою сюда его въ качествѣ союзника Грековъ? Развѣ не онъ самъ приплылъ сюда добровольно, будучи самостоятельнымъ владыкою. Отчего это ты его начальникъ? Почему это ты имѣешь право начальствовать надъ войсками, которыя онъ привезъ съ собою изъ отечества? Ты—царь Спарты, а не нашъ. И ты вовсе не имѣешь больше права повелѣвать имъ, чѣмъ онъ тобою. Ты пріѣхалъ сюда въ качествѣ начальника другихъ, но не всѣхъ, и ты никогда не былъ начальникомъ Аянта. Начальствуй надъ тѣми, надъ кѣмъ ты имѣешь власть, и гордо наказывай ихъ; Аянта же я все-таки, не смотря на твое запрещеніе и даже на запрещеніе другаго полководца [35]), похороню, какъ слѣдуетъ, не испугавшись твоихъ угрозъ. Вѣдь онъ вовсе не пріѣхалъ сюда ради твоей жены, какъ многіе изъ подвергающихся здѣсь опасностямъ, а вслѣдствіе клятвъ [36]), которыми былъ связанъ,—и ужъ не какъ не для тебя: онъ слишкомъ мало цѣнилъ васъ ничтожныхъ. Теперь отправься за бóльшимъ числомъ герольдовъ и за предводителемъ и приди съ ними сюда. Пока ты—Менелай, я не обращаю никакого вниманія на твой шумъ.

Хоръ. Я не люблю, когда кто-нибудь въ бѣдствіяхъ говоритъ такъ; вѣдь жестокій тонъ, даже когда его заслужили, уязвляетъ.

Менелай. Сколь много гордости для стрѣлка изъ лука!

Тевкръ. Мое занятіе—не низкое.

Менелай. Ты еще больше хвастался-бы, еслибы у тебя былъ щитъ.

---

[35]) Агамемнона.

[36]) Преданіе гласитъ, что отецъ Елены Тиндерей предложилъ многочисленнымъ женихамъ своей дочери предварительно дать клятву въ томъ, что они не только не будутъ враждовать съ тѣми, кого выберетъ Елена, но даже будутъ помогать ему въ случаѣ, если кто нибудь похититъ ее у мужа. Въ числѣ сватавшихся былъ и Аянтъ.

Тевкръ. Я и безъ оружія равенъ тебѣ во всеоружіи.

Менелай. Твой тонъ доказываетъ твою гордость.

Теврнъ. Имѣя на своей сторонѣ справедливость, можно высоко держать голову.

Менелай. Такъ по твоему справедливо, чтобы мой убійца наслаждался счастьемъ?

Тевкръ. Твой убійца? Вотъ говоришь ты чудо; такъ ты, хотя и умеръ, живешь!

Менелай. Богъ спасъ меня,—Аянтъ же желалъ меня погубить.

Тевкръ. Не оскорбляй боговъ, говоря, что ты спасенъ богами.

Менелай. Мнѣ-ли порицать законы боговъ.

Тевкръ. Да, если ты въ своемъ присутствіи не дозволяешь хоронить умершихъ.

Менелай. Своихъ лишь враговъ; такъ какъ это не подобаетъ.

Тевкръ. Развѣ Аянтъ былъ когда-нибудь твоимъ врагомъ?

Менелай. Онъ ужасно меня ненавидѣлъ — ты самъ это зналъ.

Тевкръ. Вѣдь ты погубилъ его, подкупая голоса.

Менелай. Не я виною этого, а судьи.

Тевкръ. Ты можешь причинить много зла и втайнѣ.

Менелай. Эти слова принесутъ кому-нибудь горе.

Тевкръ. Небольше чѣмъ мы, повидимому, огорчимъ тебя.

Менелай. Я скажу тебѣ одно: не смѣй его хоронить.

Тевкръ. Я же въ отвѣтъ возражу тебѣ лишь, что онъ будетъ похороненъ.

Менелай. Я видѣлъ однажды нахала, уговорившаго моряковъ плыть зимою, но при сильной бури онъ молчалъ и, покрывшись плащемъ, позволялъ желающему изъ моряковъ *топтать себя*. Точно также и твой нахальный тонъ будетъ подавленъ, подобно тому, какъ сильная буря разгоняетъ небольшое облачко.

Тевкръ. Я же видѣлъ круглаго дурака, который надсмѣхался надъ окружавшими его во время ихъ страданій: и вотъ нѣкто, похожій на меня и равный мнѣ по вспыльчивости, увидавъ его, сказалъ слѣдующее: „человѣче, не будь несправедливъ къ мертвымъ; если же ты будешь несправедливъ, то причинишь самъ себѣ зло“. Такъ убѣждалъ присутствующій этого глупца. *И я также вижу его* и, какъ мнѣ кажется, это никто другой, какъ ты. Неужели я выразился темно?

Менелай. Я ухожу. Для меня постыдно—если кто узнаетъ— увѣщевать словами того, съ кѣмъ можно употребить силу.

Тевкръ. Ну и убирайся. Вѣдь и мнѣ позоръ выслушивать человѣка, напрасно говорящаго пустыя слова.

Хоръ. Предстоитъ столкновеніе вслѣдствіе большаго спора. Поспѣши же Тевкръ, какъ только можешь, приготовить для него глубокую могилу, въ которой онъ получилъ-бы мрачное погребеніе и которая вѣчно существовала бы въ людской памяти.

Тевкръ. Да вотъ кстати находится вблизи сынъ и жена его, покойника, которые устроютъ могилу для его несчастнаго трупа. Дитя, подойди сюда и, ставъ вблизи, прикоснись къ трупу отца, который родилъ тебя, умоляя его о защитѣ. Сядь, какъ проситель, и возьми въ руки локоны волосъ моихъ, ея и твоихъ собственныхъ; это — сокровище подобающее просителю [37]). Если же кто силою оттащитъ тебя отъ этого трупа, пусть онъ, злодѣй, будетъ выгнанъ изъ отечества и самъ да не получитъ погребенія, и пусть погибнетъ весь его родъ такъ, какъ я отрѣзываю этотъ локонъ. Возьми его и береги, дитя, и да не удалитъ никто тебя, но пусть ты остаешься на колѣняхъ около отца. Вы же, женщины, докажите, что вы стóите мужчинъ и помогайте ему сторожить трупъ, пока я позабочусь о приготовленіи могилы для Аянта, даже если всѣ будутъ противъ этого.

στροφὴ α': 1-я пѣснь одной половины хора.

Хоръ. Когда только прекратятся года, причиняющіе мнѣ непрекращающееся горе, среди моихъ боевыхъ трудовъ, здѣсь въ широкой Троѣ, къ стыду Грековъ.

ἀντιστροφὴ α': 1-я пѣснь второй половины хора.

О еслибы былъ поглощенъ бурей или общимъ для всѣхъ Аидомъ тотъ, кто научилъ Грековъ употребленію ненавистнаго оружія *). О нескончаемое страданіе! Это оно губитъ людской родъ.

στροφὴ β': 2-я пѣсня одной половины хора.

Онъ лишилъ меня возможности наслаждаться вѣнками, глубокими бокалами, сладкимъ звукомъ флейтъ— о, я несчастный—и даже отнялъ у меня возможность спать сладкимъ

---

37) Тевкръ велитъ Эврисаку взять въ руки локоны отъ волосъ его, Тевкра, своей матери Текмессы и свои собственные; такимъ образомъ Эврисакъ является отъ имени трехъ лицъ просителемъ за Аянта. Просители же находились подъ защитой Зевса (Ζεὺς ἱκέσιος), и оскорбить ихъ значило нарушить долгъ религіозный и подвергнуть себя и родъ свой карѣ боговъ.

*) Въ пониманіи этого мѣста комментаторы расходятся; Шнейдевинъ и Наукъ полагаютъ, что хоръ проклинаетъ Парида, поступокъ котораго повлекъ за собою троянскую войну; Вундеръ разумѣетъ Тиндарея, взявшаго съ жениховъ клятву (см. пр. 35); другіе предполагаютъ Менелая—но вѣрнѣе всего, что хоръ проклинаетъ вообще того, кто научилъ грековъ употребленію оружія. Такъ смотритъ Вольфъ, подобнымъ же образомъ говоритъ Тибуллъ (I, 10):

«Quis fuit horrendos primus qui protulit enses?	Кто это былъ, что мечи ужасные выдумалъ первый?
Quam ferus et vere fereus ille fuit!	Что за жестокій онъ самъ, что за желѣзный онъ былъ!
Tum caedes hominum generi, tum proelia nata»...	Роду людскому тогда-жъ родились и убійства и войны...

(Пер. *Фета*).

сномъ. Онъ остановилъ во мнѣ любовь! И вотъ я оставленъ безъ попеченія и волоса мои орошаетъ частая роса, печальное воспоминаніе о Троѣ.

ἀντιστροφὴ β΄: 2-я пѣснь второй половины хора.

Прежде Аянтъ былъ для меня защитой отъ ночнаго страха и стрѣлъ, теперь же его постигла ужасная судьба. Какая же радость еще меня ожидаетъ? О еслибъ я былъ теперь тамъ, гдѣ возвышается надъ моремъ, на равнинѣ Сунія, омываемый моремъ лѣсистый мысъ, чтобы привѣтствовать священныя Аѳины.

ἔξοδος: Развязка.

Тевкръ. Я поспѣшилъ вернуться, увидавъ нашего предводителя Агамемнона, который быстро шелъ по направленію сюда. Его видъ предсказываетъ грозный разговоръ.

Агамемнонъ (входитъ). Мнѣ сообщили, что ты осмѣливаешься дерзко говорить о насъ, разсчитывая на безнаказанность! тебѣ говорю я, рожденному отъ плѣнницы; о сколь гордился бы ты и какъ высокомѣрно держалъ бы себя, еслибы былъ рожденъ отъ благородной матери, когда теперь, будучи ничтожествомъ, ты такъ противишься намъ въ пустомъ дѣлѣ и увѣряешь, что мы не предводители войска, не начальники надъ греческимъ флотомъ и надъ тобой; вѣдь Аянтъ, по твоему, приплылъ сюда, будучи самостоятельнымъ владыкою. Не величайшее-ли горе слышать такія слова отъ рабовъ? И о комъ только говоришь ты такъ высокомѣрно? Куда отправлялся онъ, гдѣ останавливался, чтобы и я тамъ не былъ? Неужели у Грековъ нѣтъ больше героевъ кромѣ него? Значитъ, напрасно пригласили мы тогда грековъ принять участіе въ непріятномъ присужденіи оружія Ахилла, если повсюду Тевкръ называетъ насъ несправедливыми и если вамъ, даже побѣжденнымъ, никогда не будетъ угодно уступить приговору многихъ судей, но вы постоянно будете либо клеветать на насъ, либо коварно насъ упрекать. А вѣдь ни одинъ законъ не будетъ проченъ, если мы людей, дѣйствительно побѣдившихъ, будемъ оттѣснять, а побѣжденныхъ станемъ имъ предпочитать. Нѣтъ, этому должно положить конецъ. Вѣдь не величина тѣла и не широкія плечи доставляютъ намъ безопасность, а здравый смыслъ дѣлаетъ насъ всюду сильными. Такъ широкоплечій быкъ идетъ прямой дорогою подъ маленькимъ бичемъ. И я вижу, что мнѣ скоро придется подобное лекарство употребить съ тобою, если ты не образумишься, такъ какъ, говоря о человѣкѣ уже несуществующемъ, о тѣни его, ты даешь необузданную свободу языку своему! Будешь-ли ты благоразуменъ? Почему ты, зная свое происхожденіе, не приведешь сюда кого-нибудь дру-

гаго свободнорожденнаго, который-бы вмѣсто тебя говорилъ съ нами? Вѣдь, когда ты говоришь, я ничего не могу уяснить себѣ, такъ какъ не понимаю варварскаго языка [38]).

Хоръ. О еслибъ вы оба были благоразумны! Лучшаго не могу вамъ подать совѣта.

Тевкръ. Увы! Какъ скоро исчезаетъ благодарность къ умершему, какъ скоро забываютъ люди его заслуги! Даже этотъ мужъ, для котораго ты, Аянтъ, часто жертвовалъ въ сраженіяхъ жизнью, не сохранилъ о тебѣ ни малѣйшей памяти. Всѣ твои заслуги отвергнуты и исчезли на вѣки! О ты, который сказалъ только что такъ много безумнаго, развѣ ты не помнишь больше, какъ, когда вы были заперты въ лагерѣ и находились на краю гибели, онъ одинъ, среди общаго бѣгства, своимъ приходомъ спасъ васъ? А вѣдь огонь ужъ сжегъ тогда палубы кораблей и Гекторъ, высоко прыгнувъ, перескочилъ черезъ рвы на корабли [39]). Кто предотвратилъ это бѣдствіе? Не Аянтъ-ли здѣсь дѣйствовалъ, тотъ самый Аянтъ, который, по твоимъ словамъ, никогда не выступалъ противъ враговъ? Развѣ это все дѣйствительно не его подвиги? Затѣмъ, когда дошла очередь до единоборства съ Гекторомъ, онъ пожелалъ добровольно выйти противъ врага и бросилъ не обманчивый жребій [40])—кусокъ влажной земли,—а такой, который долженъ былъ первымъ выпрыгнуть изъ шлема, украшеннаго прекраснымъ гребнемъ. И когда онъ дѣлалъ это, присутствовалъ я, рабъ, рожденный отъ матери-иноземки. Несчастный! На какомъ основаніи смѣешь ты говорить такъ? Развѣ ты не знаешь, что отецъ твоего отца, знаменитый Пелопъ [41]) былъ иноземцемъ фригійскимъ?

[38]) Стараясь оскорбить Тевкра и побольнѣе уязвить его, Агамемнонъ напоминаетъ ему о его происхожденіи отъ варварки (чужестранки) Гезіоны, почему и называетъ его скорѣе рабомъ, чѣмъ свободнымъ грекомъ. Совѣтуя ему устами Агамемнона выбрать какого-нибудь свободнаго гражданина, который говорилъ-бы за него, Софоклъ имѣетъ въ виду аѳинскіе законы, по которымъ всѣ, неполноправные граждане должны были выбирать себѣ патроновъ (заступниковъ) изъ гражданъ, которые и заступали ихъ какъ въ судѣ, такъ и передъ властями.

[39]) О подвигахъ Аянта, защитившаго корабли грековъ отъ огня Гектора; см. въ Иліадѣ XV, 415 слѣд.

[40]) Желая въ свою очередь уколоть Агамемнона, Тевкръ напоминаетъ ему о поступкѣ одного изъ его предковъ; по сказанію, братья Теменъ, Кресфонтъ и дѣти Аристодема Проклъ и Еврисѳенъ, послѣ завоеванія Пелопонеса, метали жребій о томъ, кому какой владѣть страной. Условіе было сдѣлано такое, что тому, чей жребій вынется первый, достанется Аргосъ, второму Лакедемонъ и послѣднему Мессенна; такъ вотъ Кресфонтъ, желая получить Мессену, кинулъ въ урну съ водой глыбу земли, которая и разошлась, такъ что вынуты были только жребіи его братьевъ, а его жребій, понятно, оказался послѣднимъ.

[41]) Пелопъ, внукъ Зевса, сынъ Тантала, богатаго царя фригійскаго, и Діоны, дочери Атланта; онъ переселился въ Грецію и здѣсь побѣдилъ въ состязаніи на колесницѣ царя Пизы Эномая, на дочери котораго Гипподаміи женился. Отъ нея онъ имѣлъ много сыновей, причемъ двое изъ нихъ, Атрей и Ѳіестъ, были изгнаны отцемъ за убійство своего брата Хризиппа.

что Атрей [42]), твой безбожный отецъ, предложилъ своему брату въ пищу его собственныхъ дѣтей? Ты самъ родился отъ Критянки, которую отецъ твой, заставъ съ чужеземцемъ, велѣлъ бросить въ море пищей нѣмымъ рыбамъ. И вотъ, будучи самъ таковымъ, ты укоряешь меня въ происхожденіи, меня, родившагося отъ Теламона, который за отличные свои подвиги получилъ въ супруги мою мать, царицу по происхожденію, дочь Лаомедонта; эту выдающуюся награду далъ ему сынъ Алкмены [43]). Такъ неужели я, будучи благороднаго происхожденія, рожденный двумя благородными смертными, неужели я посрамлю своихъ родственниковъ, которыхъ ты теперь, удрученныхъ столь великимъ несчастіемъ, желаешь лишить погребенія—и не стыдишься говорить мнѣ объ этомъ! Такъ знай-же, что, если вы куда нибудь его выкините, то выкините и насъ троихъ вмѣстѣ съ нимъ: вѣдь для меня несравненно славнѣе умереть при всѣхъ, страдая за него, чѣмъ за твою жену или за жену твоего брата. Слѣдовательно, думай не о томъ, что мнѣ полезно, а о томъ, что полезно тебѣ. Если же ты причинишь мнѣ какое нибудь насиліе, то раскаешься въ томъ, что не былъ передъ мною робкимъ, а былъ дерзкимъ.

Хоръ (приближающемуся Одиссею.) Царь Одиссей! Ты во время явился, если не для того, чтобы помирить вотъ ихъ, то, по крайней мѣрѣ, чтобы рѣшить споръ между ними.

Одиссей (входитъ.) Въ чемъ дѣло, господа? Я издали услышалъ громкій голосъ сыновей Атрея надъ трупомъ этого храбреца.

Агамемнонъ. Развѣ мы не выслушиваемъ давно уже отъ этого мужа, царь Одиссей, дерзостей?

Одиссей. Какія дерзости? Я извиняю дерзости того, кто бываетъ вызванъ дерзостями.

Агамемнонъ. Я заплатилъ ему за его дерзости ко мнѣ презрѣніемъ.

Одиссей. Чѣмъ же онъ оскорбилъ тебя, что ты хочешь ему отомстить?

Агамемнонъ. Онъ утверждаетъ, что не допуститъ, чтобы этотъ трупъ былъ лишенъ погребенія, что онъ похоронитъ его самъ, противъ моей воли.

---

[42]) Потомки Пелопа прославились своими злодѣйствами: изгнанные отцемъ своимъ Атрей и Θіестъ бѣжали къ сыну Персея микенскому царю Сѳенелу, женатому на ихъ сестрѣ Никиппѣ. Здѣсь Θіестъ обольстилъ жену Атрея Аеропу, критянку по происхожденію, которая была брошена за это на съѣденіе рыбамъ; брату же своему Атрей жестоко отомстилъ, предложивъ ему въ пищу его собственныхъ дѣтей. Впослѣдствіи сынъ Θіеста Эгисѳъ убилъ Атрея; онъ же обольстилъ жену Агамемнона Клитемнестру и вмѣстѣ съ ней убилъ возвратившагося съ троянской войны Агамемнона, см. прим. 28.

[43]) Гераклъ, см. прим. 14.

Одиссей. Позволишь-ли высказать своему другу его истинное мнѣніе, оставаясь съ нимъ, какъ и прежде, въ согласіи?

Агамемнонъ. Конечно, говори. Иначе я былъ бы сумасшедшій, такъ какъ считаю тебя своимъ величайшимъ другомъ изъ грековъ.

Одиссей. Такъ слушай-же. Ради боговъ не смѣй безжалостно лишить этого мужа погребенія; не позволяй себѣ, при всемъ своемъ могуществѣ, ненавидѣть до того, чтобы нарушить справедливость. И мнѣ онъ былъ злѣйшимъ врагомъ изъ всего войска съ тѣхъ поръ, какъ я получилъ оружіе Ахилла. Тѣмъ не менѣе я не позволю себѣ лишить его чести и не признать его самымъ храбрымъ изъ всѣхъ грековъ, пришедшихъ подъ Трою, исключая Ахилла. Поэтому несправедливо былъ бы онъ лишенъ тобою чести; вѣдь не его оскорбилъ бы ты этимъ, а законы боговъ, такъ какъ несправедливо оскорблять благороднаго человѣка послѣ смерти, даже если ты его ненавидишь.

Агамемнонъ. Неужели ты, Одиссей, такъ защищаешь его передо мною?

Одиссей. Я! Я ненавидѣлъ его, пока слѣдовало ненавидѣть.

Агамемнонъ. Не слѣдуетъ-ли и тебѣ поносить его, умершаго!

Одиссей. Не радуйся, сынъ Атрея, своему недостойному преимуществу!

Агамемнонъ. Да, не легко почитать вамъ повелителя своего.

Одиссей. За то легко слушаться друзей, дающихъ добрые совѣты.

Агамемнонъ. Благородный гражданинъ долженъ повиноваться начальникамъ.

Одиссей. Перестань! Побѣжденный друзьями ты все же остаешься побѣдителемъ.

Агамемнонъ. Подумай, для кого хлопочешь ты объ этой милости:

Одиссей. Онъ былъ моимъ врагомъ, но нѣкогда онъ былъ мужественъ.

Агамемнонъ. Что же ты желаешь? Почтить умершаго врага?

Одиссей. Доблесть въ моихъ глазахъ гораздо выше ненависти.

Агамемнонъ. Такіе именно люди и бываютъ болѣе всѣхъ непостоянны.

Одиссей. Сколь многіе друзья дѣлаются въ короткое время жестокими врагами!

Агамемнонъ. И ты одобряешь такихъ друзей?

Одиссей. Я не люблю людей съ непреклоннымъ сердцемъ.

Агамемнонъ. Твоя вина — если насъ сочтутъ сегодня боязливыми.

Одиссей. Нѣтъ, всѣ греки, напротивъ, сочтутъ насъ справедливыми.

Агамемнонъ. Итакъ ты побуждаешь меня разрѣшить похоронить его трупъ?

Одиссей. Да, конечно! Вѣдь и я самъ туда же отыду.

Агамемнонъ. Какъ каждый заботится о томъ, что имѣетъ къ нему отношеніе.

Одиссей. О комъ же мнѣ и заботиться скорѣе, какъ не о самомъ себѣ.

Агамемнонъ. Дѣло это назовутъ твоимъ, а не моимъ.

Одиссей. Какъ бы ты ни поступилъ, вездѣ тебя будутъ считать хорошимъ.

Агамемнонъ (обращаясь къ Тевкру.) Итакъ, знай же, что я готовъ оказать тебѣ и бо́льшую милость; но онъ всетаки и мертвымъ, какъ былъ живымъ, будетъ для меня ненавистнѣйшимъ. Теперь можешь дѣлать, что тебѣ угодно.

Хоръ. Кто не признаетъ тебя, Одиссей, умнымъ, тебя, такого мудреца, тотъ дѣйствительно глупъ.

Одиссей. И Тевкру я теперь объявляю, что сколь прежде былъ Аянту я врагомъ, столь я теперь другъ ему. И я готовъ вмѣстѣ съ другими участвовать въ похоронахъ его и вмѣстѣ съ ними трудиться и ничего не упустить изъ того, что люди должны оказать храбрецамъ.

Тевкръ. Великій Одиссей! Ты достоинъ всевозможныхъ похвалъ; ты обманулъ мои ожиданія. Будучи злѣйшимъ изъ всѣхъ грековъ врагомъ его, ты одинъ защитилъ его, не позволивъ въ своемъ присутствіи живому надсмѣхаться надъ умершимъ, какъ это дѣлалъ, придя сюда, обезумѣвшій военачальникъ, который, вмѣстѣ съ братомъ своимъ, желалъ его опозореннаго выкинуть непогребеннымъ. Да погубитъ ихъ злодѣевъ господствующій на Олимпѣ отецъ [44]), злопамятныя Эринніи и всесильное Правосудіе такъ, какъ они хотѣли недостойно опозорить Аянта. Тебѣ же, сынъ старца Лаэрта, я не смѣю позволить коснуться его трупа, изъ боязни, какъ бы не было это умершему непріятно. Въ остальномъ же помогай намъ и, если хочешь привести кого-нибудь изъ войска, мы не будемъ имѣть ничего противъ. Я приготовлю самъ все остальное. Но знай, что мы знаемъ цѣну твоему благородству.

---

[44]) Зевсъ, см. прим. 2.

Одиссей. *Я желалъ бы этого.* Если же тебѣ непріятны мои услуги, то я ухожу, одобривъ твои мысли (уходитъ).

Тевкръ. Довольно. Ужъ много проволочено времени; пусть же одни изъ васъ поспѣшно выроютъ глубокую могилу, другіе пусть поставятъ на огонь высокій треножникъ, удобный для священныхъ возліяній, толпа-же солдатъ пусть принесетъ изъ шатра находящійся подъ щитомъ нарядъ [45]). А ты, дитя, приподними вмѣстѣ со мною бока отца своего, сколько хватитъ у тебя силъ, прикоснувшись къ нимъ съ любовію; еще до сихъ поръ изъ теплыхъ артерій струится черная кровь. Да поспѣшитъ придти сюда всякій, кто называетъ себя его другомъ, чтобы отдать послѣдній долгъ мужу, лучше котораго, при жизни его, не было никого изъ смертныхъ!

Хоръ. Много познаютъ смертные изъ опытовъ! Прежде событій никакой предсказатель не можетъ угадать будущаго.

---

[45]) Имѣется въ виду все оружіе Аянта: шлемъ, панцырь, поножи,—все, кромѣ щита, который былъ завѣщанъ героемъ своему сыну.

Дозволено Цензурою. Спб., 4 сентября, 1892 г.

Типографія **Я. И. Либермана.** Вознесенскій, 38—4.

